

Мария Беллончи

**Лукреция Борджиа. Эпоха и жизнь
блестящей обольстительницы**

«Центрполиграф»

Беллончи М.

Лукреция Борджиа. Эпоха и жизнь блестящей обольстительницы / М. Беллончи — «Центрполиграф»,

В книге увлекательно и ярко описывается эпоха беспощадной борьбы за власть в Ватикане XV века. Появившейся апрельским днем светловолосой девочке, нареченной Лукрецией, предстояло стать орудием политических интриг своего отца, могущественного папы Александра VI. Принятая ею губительная тактика уступок и привычка не замечать происходящего вокруг, превратили образ Лукреции Борджиа в символ «черной вдовы» и отравительницы.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мария Беллончи

Лукреция Борджиа. Эпоха и жизнь блестящей обольстительницы

Часть первая

Глава 1 **Завоевание Ватикана**

Ночью 25 июля 1492 года умирал папа римский Иннокентий VIII. Это был старый генуэзец, происходивший из семейства Чибо, который в течение многих лет за пренебрежение к своим обязанностям подвергался критике со стороны современников.

Но более всего раздражало его отношение к семье. Монах из Витербо упрекал папу за нарочитую демонстрацию родственных связей, когда тот праздновал свадьбы детей в Апостольском дворце и, нарушая канонические правила, садился за обеденный стол с женщинами. Гуманист Марулло в эпиграммах на Иннокентия VIII приписывал ему шестнадцать детей. Но, как обычно происходит с людьми, обладающими временной властью, Иннокентий VIII имел невероятно жадных детей. Папа всячески оберегал и помогал двоим своим детям, тем единственным, чьи имена сохранила история, – Теодорине и Франческетто. Он осыпал их милостями и подарками, и в 1488 году весь Рим стал очевидцем массовых шествий и пышных торжеств в Ватикане по случаю бракосочетания Франческетто и Маддалены, дочери Лоренцо де Медичи, а в 1489 году там же праздновалась свадьба дочери Теодорины с Луисом Арагоном. Предполагалось, что празднования являются свидетельством мира, царящего между епископом и королем Неаполя.

Даже на смертном одре Иннокентий VIII был окружен детьми. Теперь, находясь при смерти, папа чувствовал, что освободился от вины или, по крайней мере, что его грехи должны быть прощены. Франческетто стоял наготове в изголовье кровати или в соседней комнате (позже он написал, что отец испустил дух, находясь у него на руках), когда папа исповедовался в присутствии всех кардиналов, умоляя их выбрать достойного преемника и принося извинения за то, что не использовал вверенную ему власть в более благородных целях. Сказав это, он тихо заплакал.

Иннокентий надеялся, что проведет в покое последние дни, но 21 июля он узнал о возобновившемся жестоком соперничестве между воинствующими кардиналами. В числе вице-канцлеров был каталонец Родриго Борджиа. Будучи обходительным, он лестью и убеждениями всегда добивался своего. Вот и сейчас он предложил папе передать замок Сант-Анджело в ведение Коллегии кардиналов. Их беседа была прервана Джулиано делла Ровере, который вовремя вмешался в действие, сухо заявив, что поскольку у Борджиа наибольший авторитет в коллегии, то передача Сант-Анджело будет то же самое, что предоставление Борджиа на блюде Рима и папского престола. Разгорелся яростный спор, в котором оба священнослужителя прибегли к сквернословью. Как сообщил Антонелло де Салерно маркизу Гонзага, они называли друг друга «марранос» и «муре». Делла Ровере одержал верх в споре, и замок Сант-Анджело остался в ведении правителя, который должен был передать его новому папе римскому, и никому другому. Спустя четыре дня, 26 июля 1492 года, путь к папскому престолу был открыт.

Как известно, в это время Италия испытывала значительные трудности. Полуостров был разделен на небольшие государства и герцогства, мир в которых поддерживался с помощью силы и дипломатии. Шаткое, но столь необходимое равновесие сил сохранялось с помощью искусного лавирования среди острых разногласий, возникающих между герцогами, с одной стороны, и мирским и духовным руководством – с другой, прекрасно понимающим, что разделение силы и власти на полуострове закончится неминуемой катастрофой. К концу XV века появилась угроза вторжения извне, не только с востока, но еще более опасная с севера, из Франции. Людовик XI превратил Францию в могущественное государство, и теперь ее притязания на Неаполитанское королевство, которое, по мнению французов, было незаконно захвачено Арагонами из династии Аньо, ни для кого не являлись тайной. Кроме того, хотя и не так открыто, но Франция считала, что Миланское герцогство по праву должно принадлежать ей с тех пор, как Валентина Висконти после замужества стала членом орлеанской династии. Одним словом, молодой король Карл VIII, наследник Людовика XI, попытался повлиять на конклав, чтобы получить такого папу, который благосклонно отнесся бы к его намерению завоевать Неаполь. С этой целью он поддерживал самого могущественного врага Неаполя, а именно Людовико Сфорца, «влиятельного Моро», являвшегося дядей, опекуном и доверенным лицом молодого миланского герцога.

Сфорца был богат и невероятно бесстрашен. Во всех политических событиях, происходивших на полуострове, чувствовалась его рука; и повсюду он имел приверженцев, информаторов, друзей и шпионов. Кроме того, в Ватикане в ожидании приказов Сфорца находился его брат Асканио, честолюбивый молодой кардинал, скорее умный, чем хитрый, свободомыслящий и склонный к риску – типичный миланец. Кардинал Асканио Сфорца возглавил антинеаполитанскую партию, в которую входили все враги короля Ферранте Арагонского, и с помощью короля Неаполя сформировал союз с Джулиано делла Ровере и его фракцией. Ни брачные союзы, ни миротворческие попытки не смогли положить конец смертельной вражде между Неаполем и Миланом, перешедшей в борьбу, во время которой две противоборствующие партии могли лишиться свободы и независимости все итальянские государства.

Итак, партии, представляющие Милан и Неаполь, старались собрать по возможности большее количество кардиналов вокруг своих лидеров – Асканио Сфорца и Джулиано делла Ровере. Асканио, согласно недавно изданному исследованию о конклаве 1492 года, не имел ни малейшей надежды на то, чтобы быть избранным; ему было всего лишь тридцать семь лет, и, следовательно, он был слишком молод. Кроме того, он был убежден, что никто не допускает и мысли, чтобы папский престол отошел Людовико Сфорца. Джулиано делла Ровере был старше, но он прекрасно понимал, что его время еще не пришло, не говоря уже о том, что он был самым жестоким, самым вспыльчивым из всех кардиналов и более чем кто-либо другой вызывал ненависть и неприязнь. Из двух основных претендентов на папский престол Джулиано поддерживал португальского кардинала Коста, восьмидесятилетнего, величественного старца, чей преклонный возраст позволял надеяться, что в ближайшем будущем появится другой конклав (на самом деле Коста прожил еще пятнадцать лет). Асканио являлся сторонником враждебно настроенного к королю Ферранте неаполитанского кардинала Оливьеро Карафа, а Родриго Борджиа, вице-канцлера церкви, рассматривал в качестве запасного варианта.

Кандидатура Родриго Борджиа всерьез не принималась в расчет; по мнению современников, он был чужаком, не имевшим особых оснований быть избранным. Мы не знаем, что творилось в его красивой каталонской голове, вероятно, он даже поддерживал существующее мнение, чтобы иметь больше возможностей для интриг. Не впервые желания и амбиции Родриго были обращены в сторону престола; еще в 1484 году, когда конклав избрал папой римским Иннокентия VIII, Борджиа безуспешно интриговал в надежде оказаться избранным.

Теперь, по прошествии восьми лет, он стал намного богаче и находился в лучшем положении, поскольку представлял группировку, не относящуюся ни к миланской, ни к неаполи-

танской экстремистским партиям. А потому еще раз исподволь, упрямо приступил к реализации намеченных планов. Асканио, заинтересованный в том, чтобы выбранный папа оказался перед ним в долгу, полагал, что в худшем случае, не говоря уже о тех преимуществах, которые он при этом получит, даже Борджиа мог бы претендовать на его голос. Но Асканио ошибся в расчетах; он не учел психологического фактора. Асканио предусмотрел все, за исключением того момента, что никогда не смог бы использовать в своих целях такую умную лису, как Родриго Борджиа.

Конклав начался 6 августа 1492 года со смелого выступления Бернардино из Карваяла о зле, причиняемом церкви. В результате первого голосования Родриго Борджиа получил семь голосов, Карафа – девять, Джулиано делла Ровере – пять, Коста – семь и Мичел, кардинал из Венеции, – семь. Это были значимые результаты. Асканио Сфорца не получил ни одного голоса – свидетельство того, что он дал четкие указания своим преданным сторонникам. Голосование признали недействительным, и люди, ожидавшие результатов на площади Святого Петра, отправились по домам. При повторном голосовании Родриго получил восемь голосов, Карафа сохранил прежние девять, Джулиано делла Ровере – пять, и Мичел снова получил семь голосов. Это происходило летним утром, в девять часов, и, казалось, все застыло на мертвой точке. Несмотря на обособленность кардиналов, входящих в конклав, новости начали просачиваться наружу. Час за часом поступающие из Рима сообщения распространялись по всей Италии. Будет ли папой Карафа? Или Мичел? Или Коста? Тем временем, несмотря на видимость порядка, конклав пребывал в смятении. Борьба между двумя партиями была ожесточенной, но безрезультатной, поскольку ни одна из сторон не смогла прорвать оборону противника. Пробил час Родриго Борджиа. А чуть позже и весь мир принадлежал ему. Что же на самом деле происходило в тот день – великий день вице-канцлера? Как ему удалось убедить всех кардиналов? Нет никакой необходимости вникать в бесконечную сложную цепь переговоров, часть из которых носила характер устных соглашений, происходивших с 10 по 11 августа. К вечеру 8 августа Борджиа мог уже рассчитывать на семнадцать голосов, которые составляли больше двух третей, необходимых для избрания. Узнав об этом, Джулиано делла Ровере понял, что уже ничего нельзя сделать. «Тогда, – как впоследствии рассказывал феррарский посол, – поняв, что он не может ни выиграть, ни свести счеты, он поспешно и с большой охотой присоединился к враждебной партии». Благодаря сделанной уступке делла Ровере был награжден аббатством, различными бенефициями, получил должность легата в Авиньоне. Вдобавок Джулиано получил замок Рончильоне, находившийся на пути к северу Италии. Теперь, когда он получил возможность следить за движением в Рим и обратно, кардинал, по крайней мере, надеялся установить тайный надзор за перемещениями нового папы.

День и ночь Родриго Борджиа следовал своей недоступной для понимания других стратегии. На рассвете 8 августа римляне, находившиеся на площади Святого Петра, увидели, как посыпались кирпичи из замурованного окна, и услышали голос, радостно возвестивший об избрании вице-канцлера Родриго Борджиа, который впредь будет именоваться Александром VI. Во время четвертого голосования он был избран единогласно.

Рассуждение о том, насколько законно было голосование и о степени допущенной ошибки, заведет нас слишком далеко от основного сюжета. Как недавно объяснил Ла Торре, более всего Родриго Борджиа, бесспорно, обязан политической непримиримости двух главных соперников в конклаве. Вне всякого сомнения, он покориł сердца большинства кардиналов щедрыми дарами, и каждый мог проследить за их распределением. Деньги переходили из рук в руки настолько лихорадочно, что банк Спаннокчи, в котором хранилось богатство Борджиа, едва не обанкротился. Как бы то ни было, но описание Инфессурой нагруженных серебром мулов, движущихся из резиденции Родриго к дворцу Асканио Сфорца, может рассматриваться лишь как красочная легенда, но нет никаких сомнений, что симония^[1] была. В сущности,

весь этот рассказ предпринят только для того, чтобы обозначить прецеденты в жизни Родриго Борджиа.

«Наш предприимчивый папа, – писал 31 августа Джанандреа Боккаччо, посол из Модены, состоящий в переписке с герцогом Феррарским, – уже показывает себя в истинном свете». Эти корреспонденты, хитрые лисы из папской курии, исследуя происходящие события с беспощадностью в силу особенностей характера и жизненного опыта, понимали, чего следует ждать от испанца.

Семейство Борджиа происходило из небольшого городка Хативы, близ Валенсии в Испании. В венах людей, населявших этот город сплошь из белых домов на фоне голубого неба, текла смесь испанской и арабской крови. Борджиа являлись древним родом, который на протяжении веков пополнялся военачальниками и правителями. Они были местными грандами, наблюдавшими со сдержанной благосклонностью за дворами Кастилии и Арагона, энергичными и неутомимыми, со столь же крепкими семейными узами, как у израильтян. В тех случаях, когда не находилось достойной пары, чтобы добавить блеска их роду, они обычно сочетались браком внутри своего рода. Но только с того момента, когда по счастливой случайности Алонсо стал папой римским Каликстом III, фортуна стала благосклонной к клану Борджиа. У Алонсо, самого младшего в семье, было четыре сестры. Имея склонность к духовной карьере, он избрал юриспруденцию и проявлял огромный интерес к сложным догматам канонического права – совершенного воплощения логического мышления. Прослушав его проповедь, доминиканец Винченцо Феррера предсказал, что Алонсо ждет большое будущее, и назвал его гордостью семьи и нации. Вероятно, Алонсо воспринял это пророчество как счастливое предзнаменование. Во всяком случае, начиная с этого момента Алонсо Борджиа неуклонно шел только вперед. Он был назначен секретарем арагонского короля Альфонсо и направлен в качестве посла к папе Мартину V. Искусная дипломатия Алонсо оказала огромную услугу папе; Борджиа смог даже убедить антипапу Климента VIII отказаться от посягательств на сан. В награду Алонсо был возведен в сан епископа Валенсии, которая с этого времени сохранялась за семейством Борджиа в качестве наследственной собственности. Благодаря собственным достоинствам и изысканным манерам Алонсо был произведен в кардиналы, и, наконец, 8 апреля 1455 года в возрасте семидесяти семи лет, страдающий от подагры, но по-прежнему неутомимо интригующий, он неожиданно был назначен папой римским, чем весьма был удивлен.

Каликст III был честным человеком, хорошим священником и искренне верил в собственные поступки и намерения, но он так никогда и не смог разобраться в проблемах высокой политики, в которой понимал еще меньше, чем в мире искусства и культуры. Упрямый нрав, непонимание классической литературы в век, безоглядно посвятивший себя латыни и греческому, заставили итальянских гуманистов видеть в Алонсо варвара. Они обвиняли его, и не без причины, что ради получения денег для проведения крестового похода против неверующих было изъято золото и серебро из священных рукописей в Ватикане. Единственным оправданием такого поведения служило чрезвычайно серьезное положение в войне с турками. Турецкий ятаган и любовь к семье действительно всю жизнь были навязчивой идеей Каликста III. Подобно Иннокентию VIII, он поддавался соблазну nepотизма и всем тем чувствам сердечной привязанности и сочувствия (в которых он обычно испытывал недостаток) в тот момент, когда имел дело с любым членом своей семьи или чувствовал зов крови. У Алонсо не было детей, поскольку неизвестно, являлся ли он отцом Франческо Борджиа, ставшего впоследствии архиепископом Козенца, но он восполнил их отсутствие сестрами, племянниками, кузенами и другими родственниками, которые, несмотря на ненависть итальянцев, все прибывали и прибывали в Рим. Более других Алонсо любил двух племянников, Педро Луиса и Родриго, сыновей своей сестры Изабеллы, которая была женой Джованни Борджиа, и, следовательно, мальчики приходились ему племянниками и со стороны матери, и со стороны отца.

Таким образом, церковная карьера Родриго с самого начала складывалась весьма удачно. Он стал кардиналом в двадцать пять лет и благодаря влиянию дяди получил должность вице-канцлера церкви, по словам какого-то завистливого современника, означавшую «второе папство». Родриго был великолепным прелатом. Прекрасный оратор, невероятно привлекательный и внушающий симпатию, Родриго единственный из семьи умудрился, не вызывая ненависти, использовать каждое из предоставленных ему жизнью преимуществ. В этом он был полной противоположностью брату Педро Луису, который занимал невероятное количество должностей, в том числе главного капитана церкви и префекта Рима, но при одном взгляде на него у всякого сразу же возникала ненависть к этому человеку.

И вот наступил день, когда папа Каликст III заболел. Мрачное великолепие в испанском стиле сопровождало его длительную агонию. Окруженный родственниками, капелланами и наиболее преданными соотечественниками, денно и нощно при свечах читавших псалмы, папа, в то время как по городу ползли слухи, вызывавшие волнения и беспорядки, лежал, прощаясь с этим миром. Педро Луис чувствовал, что ему грозит опасность; он понимал, что пробил час расплаты, и обдумывал грандиозные планы по нейтрализации действий своих врагов. А вот у Родриго, впервые продемонстрировавшего благоразумие и предусмотрительность, имелись иные соображения. Педро Луис, префект Рима и капитан церкви, в последний день жизни папы Каликста III бежал из города с помощью кардинала Родриго и Барбо, кардинала Венеции, которые сопровождали его до дороги на Остию, где оставили сражаться в одиночку. Преследуемый Орсини, преданный собственными солдатами, Педро Луис разыграл свою последнюю карту с характерной для него решительностью, бросив вызов судьбе. Вместе с несколькими верными сторонниками он сумел скрыться в крепости Чивитавеккья, чтобы дожидаться там момента, когда можно будет вернуться в Рим. Но 26 сентября 1458 года Педро Луис умер при невыясненных обстоятельствах.

Тем временем среди возникших волнений и беспорядков Родриго, сохраняя спокойствие, отправился в собор Святого Петра, чтобы помолиться за умирающего папу: собственный престиж защищал его куда больше, чем кардинальский пурпур. Он отдал на разграбление свой дворец, рассудив, что буйствующая толпа удовлетворится грабежом, и оказался прав; ни в чем ином он не пострадал, хотя даже его итальянские друзья и чужеземцы Борджиа подвергались преследованию и уничтожению. Когда последние признаки жизни исчезли с лица Каликста, его домочадцы, включая родственников, друзей и даже сестер, в панике бросили папу. В отличие от всех Родриго оставался рядом с ним до его последнего вздоха.

Следующим папой стал Энеас Сильвиус Пикколомини, принявший имя Пия II. Это был творец, философ и блестящий гуманист, имевший причину испытывать к Борджиа благодарность, поскольку Родриго подал за него решающий голос в конклаве. Пикколомини был не из тех, кто забывал людей, оказавших ему поддержку. Тем не менее его знаменитое письмо с предостережением кардиналу Борджиа является одним из наиболее откровенных документов, характеризующих образ жизни Родриго. Письмо, собственноручно написанное папой в июле 1460 года, адресовано в Сиену, где в то время находился кардинал.

«До Нас дошли слухи, будто три дня назад, забыв о высоком сане, ты находился с часа дня до шести часов среди женщин Сиены, собравшихся в садах Джованни Бичи. Ты пребывал там в сопровождении духовного лица, чей возраст, не говоря уже об уважении к папскому престолу, должен был бы напомнить о его долге и обязанностях. Нам сообщили, что танцы носили непристойный характер и не было недостатка в любовных соблазнах, а твое поведение ничем не отличалось от поведения мирян в подобной обстановке. Приличия не позволяют нам входить в детали происходившего, поскольку речь идет о делах, упоминание о которых несовместимо с твоим саном. Мужьям, отцам, братьям и другим родственникам, сопровождавшим девиц, вход в сады был запрещен, чтобы никто не мог помешать тебе и еще нескольким лицам свободно предаваться удовольствиям. В Сиене только и говорят, что об этом сборище, и сме-

ются над тобой... Посуди сам, совместимо ли с твоим достоинством ухаживать за девицами, посылать им фрукты и вино, проводить целые дни в непрерывной череде развлечений и, наконец, отправлять мужей, чтобы обеспечить себе полную свободу действий. Не только Нас обвиняют на твой счет, но и твоего покойного дядю Каликста порицают за то, что он доверил тебе столь ответственные посты. Вспомни о своем достоинстве и не старайся завоевать репутацию волокиты...»

Родриго предпринял различные попытки, чтобы доказать, что слухи, ставшие причиной этих упреков, по большей части основывались на сплетнях. Конечно, это было нелепо, поскольку дело оказалось общеизвестным, и огорченный понтифик констатировал: «Здесь, в Бигни, среди множества людей духовного звания и мирян, ты стал уже притчей во языцех...»

В подтверждение справедливости этих упреков Люцио опубликовал письмо посла в Мантуе Гонзага, написанное в июле 1460 года, в котором подробно рассказывалось о случае, связанном с крестинами. Вот что говорилось в письме: «Мне ничего не остается, как описать Вашей Светлости крестины живущего здесь мужчины, которые отправлялись сегодня... организаторами которых являлись монсеньер Рохан и вице-канцлер [Родриго Борджиа]. Они были приглашены в сад крестным отцом, куда привели крестницу. Там был весь цвет общества, но никто не входил в сад, оберегая священнослужителей... Остроумный Синесе, который не смог пройти в сад, заявил: «Мой бог, если бы все дети, рожденные за год, вступали в мир в отцовской одежде, они все бы оказались священниками и кардиналами».

Во всем великолепии своих тридцати лет Родриго Борджиа притягивал женщин, как, цитируя летописца Гаспара де Верона, «магнит притягивает железо». Письмо Пия II задевало за живое, и можно представить, насколько это было неприятно. Родриго поспешил ответить, приведя искусные оправдания, но все-таки не смог обмануть понтифика; ему удалось только несколько смягчить папу. Пий II более всего хотел снять со своего вице-канцлера все обвинения, и в ответном письме можно увидеть желание простить кардинала одновременно с выражением недовольства всем происшедшим. «То, что ты сделал, – писал понтифик, – не может считаться безупречным, хотя, возможно, заслуживает гораздо меньше порицания, чем мне давали понять». В дальнейшем кардиналу пришлось быть более осмотрительным; что же касалось папы, то он простил Родриго и заверил его, что до тех пор, пока тот будет вести себя достойно, он, папа, будет ему отцом и покровителем.

Однако мы понимаем, что у Пия, осознающего, что он бессилен что-либо изменить, имелись дурные предчувствия в отношении будущего. Родриго устроил сцену покаяния, покинув Сиену, якобы для того, чтобы уединиться в Корсигнано и исполнить епитимью. Но не склонный обуздывать свою бьющую через край энергию, он дал себе полную волю, устраивая охоты с безумными погонями по лесам и холмам Тосканы и Апеннинам, для которых его друг маркиз Мантуи присылал специально обученных ястребов, соколов и гончих. В благодарность кардинал признался Гонзага, что не смог бы «жить в праздности и без удовольствий» и «выносить скуку в этой суровой, дикой местности». Теперь вам ясно, что имел в виду Родриго, говоря о раскаянии?

В возрасте всего лишь шестидесяти лет Родриго вззошел на Святейший престол; для здорового мужчины – это вершина зрелости. Несмотря на массу полученных благодаря счастливой судьбе привилегий, я, тем не менее, полагаю, что не следует приписывать Александру VI качества истинного политического гения. Он был наделен острым умом, великолепно сложен и обладал невероятной притягательной силой. К этому следует добавить его умение разбираться в делах государственных, искусное мастерство в решении церковных и юридических проблем, сообразительность и хорошо развитое политическое чутье. Он никогда не обучался ораторскому искусству, широко распространенному среди кардиналов той эпохи, но его латынь отличалась невероятной живостью, энергией и совершенством. Все, что он говорил, будь то на латыни, итальянском или испанском, отличалось естественной грацией. Огромное разнообра-

разие акцентов, неожиданные каденции и невероятный пафос; с помощью этих средств ему удавалось навязывать собственные взгляды, умудряясь заменять ими абсолютные истины. Он умышленно подчеркивал театральность внешнего вида и манеры поведения. Родриго был великолепным актером, импозантным и величественным, что подчеркивалось пурпуром и драгоценными камнями, удивительно подходящими его образу. Родриго был красив, но это вовсе не означало, что у него были правильные черты лица. Его привлекательность заключалась в выражении мужественности, одновременно ослепительном и высокомерном, сияющем на лице, незапно вспыхивающем на чувственных губах, а совершенная форма его носа давала полное представление о его силе и восприимчивости. В шестьдесят лет он все еще откровенно любил женщин. Родриго был страстно привязан к детям; чем красивее и энергичнее они были, тем более видел он в них свое отражение и, внимательно наблюдая за их развитием, испытывал глубокое внутреннее удовлетворение. По словам его современников, «никогда еще не было такого чувственного епископа».

В 1488 году умер старший сын Родриго, Педро Луис, получивший герцогство Гандийское в Испании. Умерла и Иеронима, вышедшая замуж за отпрыска одного из знатных римских родов Чезарини. Еще одна дочь, Изабелла, жила в счастливом браке с римским аристократом Пьетро Матуцци. Нам неизвестны имена матерей этих троих детей. Особенно Родриго любил Чезаре, Хуана, Лукрецию и Джофре, рожденных Ванноццей Катанеи, женщиной, которую он дольше всех любил и всегда защищал. Несмотря на то что она, похоже, не оказывала непосредственного влияния на своего великого покровителя, Ванноцца любила и была любима, и ее дети росли подобно стройным тополям на берегу реки, заполненной отцовской любовью и заботой. Еще до достижения восемнадцатилетия Чезаре облачился в одеяние священника; вероятно, его отец уже тогда рассматривал сына как третьего папу в роду Борджиа. Хуану, унаследовавшему в шестнадцатилетнем возрасте Гандийское герцогство брата Педро Луиса, сулили военную карьеру. Двенадцатилетняя Лукреция находилась на попечении у одной из племянниц папы, Адрианы Мила Орсини, отвечавшей за образование девочки, а вот вопрос о будущем маленького Джофре, хотя ему уже было одиннадцать лет, пока еще не решен, но он уже имел титул и доходы каноника и архидьякона Валенсии.

Ванноцца, благодаря продолжительной привязанности и любви кардинала Борджиа жившая в счастье и благополучии, часто виделась с детьми. Ее жизнь была подчинена светским условностям, что требовало от нее держаться с достоинством. Она всегда жила в собственном доме и, за исключением коротких промежутков, была замужем сначала за церковным служителем Доменико д'Ариньяно, а затем с 1480 года за Джорджо делла Кроче, миланцем, которому она родила сына Оттавиано и с которым жила в величественном здании, втором по величине после кардинальского, на Пьяцца-ди-Мерло.

Фасад дома выходил на площадь. Светлый и солнечный, что являлось редкостью для узких улочек средневекового Рима, с множеством комнат, бассейном и с дорогим сердцу Ванноццы садом; она любила свежесть виноградных лоз. Здесь Ванноцца прожила несколько лет, но после смерти второго мужа и последовавшей вскоре смерти сына Оттавиано она опять выходит замуж и поселяется на площади Бранка в районе Аренула. Ее третий муж, Карло Канале, родом из Мантуи. Он отошел от дел и великолепно проводил время в узком кругу местных литературных знаменитостей, включая Анджело Полициано, который посвятил ему своего «Орфея». В числе прочих свадебных подарков Ванноцца получила в приданое тысячу золотых дукатов и должность в папском суде для мужа.

Весьма вероятно, что Ванноцца была родом из Мантуи, поскольку венецианский хроникер (летописец) Марин Санудо, владевший точной информацией обо всем происходящем, в своих дневниковых записях относит Ванноццу Катанеи к Мантуе. Фамилия Катанеи часто встречается во многих областях Италии, но особенно широкое распространение в те годы имела в Мантуе. Ванноцца, вероятно, была не только красива, но и невероятно соблазнительна,

если умудрилась не наскучить Борджиа, – ведь он любил ее много лет и продолжал любить даже тогда, когда по тем меркам она уже считалась старой, в возрасте сорока лет. К тому моменту, когда родился последний сын Родриго – Джофре, отношения Ванноццы с кардиналом, длившиеся уже более десяти лет, напоминали своего рода супружество. Подобно морганатической жене, Ванноцца не афишировала своих отношений с кардиналом, но, например, летом или при первых признаках эпидемий, ежегодно случавшихся в Риме, она удалялась в надежно защищенные и хорошо оборудованные замки Борджиа в Непи, или, что было гораздо предпочтительнее, в Субиако. Родриго, подобно всем сильным мужчинам, уверенным в будущем, разбирался в строительстве и воздвиг в Субиако крепость со стенами, превышающими стены средневекового монастыря, на которых свирепыми аббатами было проиграно и выиграно так много сражений. Ванноцца устраивалась в этих высоких и просторных домициях в ожидании кардинала. С верхней смотровой площадки крепости она видела только находящийся внизу монастырь, хранящий память о святых и императорах, мирных и воинственных монахах – священный лабиринт, об истории которого повествовали картины, изображенные на его стенах. В 1471 году Каликст III передал доходы монастыря Родриго Борджиа.

Появившемуся на свет в апреле 1480 года в Субиако светловолосому ребенку было дано имя Лукреция Борджиа. Место рождения упоминается в «*Storia Sublacense*» дона Алессандро Туммолини, исследовавшего монастырские архивы и использовавшего рукопись «*Memoirs of Stipendiary Cardinals*», также упоминаемую другими историками, а ныне утерянную. Нет причин ставить под сомнения свидетельства Туммолини, тем более что, когда он упоминает о рождении Чезаре Борджиа, также случившемся здесь, историк просит прощения у жителей Субиако за тот позор, который навлекло на них рождение подобного чудовища, и не отказывает себе в потоке наивных излияний, дабы показать, что они не несут ответственности за данный исторический факт.

Сердце отца таяло при взгляде на светловолосую, с ласковыми серо-голубыми глазами Лукрецию. Когда Родриго держал девочку на руках, глядя на ее маленькое смеющееся личико, он, должно быть, ощущал себя таким же надежным, как бастион, охраняющий это хрупкое существо. Неизвестно, воспитывалась ли маленькая Лукреция в монастыре, но она, безусловно, любила монастырь доминиканских монахинь Сан Систо на Аппиевой дороге, и можно предположить, что она, по крайней мере, всегда находилась там во время религиозных празднеств. Без сомнения, в стенах монастыря ей привили чувство собственного достоинства, которое должно было уберечь от крушения в те дни, когда она была близка к тому, чтобы сбиться с истинного пути. Безусловно, Лукреция со всей искренностью относилась к религии; известна ее любовь к молитвам, ладану и духовной музыке.

Монастырь служил ей якорем в жизненном круговороте. Для Лукреции он означал не просто возврат к чему-то абстрактному, а возвращение в собственное детство, где она чувствовала защищенность в окружении шелеста нежно звучащих голосов, в мире, лишенном чувственности и сладострастия.

Являясь дочерью могущественного кардинала, Лукреция, по всей видимости, пользовалась большим уважением. Пока она, вероятно, не задумывалась об особенностях своего положения, лишь испытывая удовольствие от имеющихся преимуществ. Она видела женщин при дворе папы Иннокентия VIII, прибывающих и убывающих из Ватикана, почитаемых и уважаемых подобно законным принцессам. Лукреция, конечно, гордилась тем, что принадлежала к семейству, в число предков которого входили папы и которое было настолько связано с делами и выдающимися деятелями церкви, что казалось стоящим выше всех.

Лукреция походила на отца твердой уверенностью в многообещающем будущем. У нее был такой же, как и у отца, срезанный подбородок, но столь изящной формы, что делал ее вечно молодой. Несмотря на все изящество, горячая испанская кровь придавала грациозной и светлоглазой Лукреции здоровый и цветущий вид. Она была образованна, поскольку находилась на

воспитании у Адрианы Мила Орсини, племянницы Родриго Борджиа, которая, согласно преданию, слышала зов Каталонии и ощущала себя испанкой. Слушая Адриану, Лукреция воссоздавала в воображении красивую легенду, принимавшую вид ее собственных грез. Подобно знатым женщинам своей эпохи, она изучала гуманитарные науки, но, по всей видимости, предпочитала изучение испанского языка и танцев своей страны. Так что попытки, предпринятые в 1491 году, чтобы выдать ее замуж за молодого испанского дворянина, должны были показаться ей естественным завершением всех этих приготовлений.

Помолвка явилась первым официальным актом в жизни Лукреции. Нотариус Камилло Бенеймбене, который вел все дела Борджиа, 26 февраля 1491 года составил брачное соглашение между дочерью Борджиа и доном Хуаном де Сентелльясом, владельцем Валь д'Ауора в Валенсии. Контракт подписали в Каталонии, и было обещано приданое на общую сумму в 30 тысяч дукатов, частично деньгами, частично украшениями и драгоценными камнями, как дар невесте от отца и братьев. Лукрецию следовало отправить в Валенсию, где по истечении полугода должна была состояться свадьба. Казалось, судьба Лукреции отныне решена и она в скором времени отправится в Испанию. Но не прошло и двух месяцев с момента первого соглашения, как был подписан новый контракт, соединивший обворожительную Лукрецию с пятнадцатилетним доном Гаспаре д'Аверса, графом из Просиды, который тоже был родом из Валенсии. Вероятно, свою роль сыграли амбиции кардинала Родриго.

Можно с уверенностью сказать, что Лукреция не знала ни одного из этих претендентов, хотя и понимала (не было причины скрывать это от нее), что обручена. Не могу сказать, принадлежало ли тому, кто повлиял на ее девичьи грезы, имя Хуан или Гаспаре. Возможно, у него не было имени, ведь для одиннадцатилетних девочек, несмотря на раннее развитие, сны не имели особой связи с действительностью. Мысли Лукреции, по всей видимости, сосредоточились пока на двух женщинах, с которыми она жила, поскольку и Адриана Мила, и Джулия Фарнезе были выдающимися женщинами, игравшими важную роль в любовной жизни Александра VI.

Адриана Мила была дочерью Педро Мила, прибывшего в Италию во времена Каликста III вместе с другими каталонцами, заповнившими Апостольский дворец. Вероятно, она родилась в Риме, о чем говорит ее типичное для этого города имя, и обосновалась здесь, став женой Людовико Орсини, владельца небольшого поместья Бассанелло рядом с Витербо. С 1489 года, став вдовой, она жила с маленьким сыном, названным в честь главы семьи Орсо. У него было косоглазие, и в ватиканском обряднике он записан как «Монокулус Орсинус»; судьбе было угодно, чтобы он навечно остался в истории как рогоносец. Свадьба молодого Орсо состоялась 21 мая 1489 года, когда нотариус Борджиа, Камилло Бенеймбене, в присутствии кардинала Дж. Б. Зено, вице-канцлера Родриго Борджиа, прелатов, знати, свидетелей и родственников рода Орсини, Фарнезе и Борджиа, соединил его священными узами брака с «восхитительной и простодушной девушкой» Джулией Фарнезе.

Джулия происходила из древнего рода провинциальной аристократии, которому принадлежали земельные угодья, расположенные вокруг озера Больсена в Каподимонте. В замке Каподимонте величие прославленного имени сочеталось с патриархальной простотой. К настоящему моменту род Фарнезе достиг полного совершенства, соединив в себе все таланты, отпущенные природой: красоту, ум, изящество, сообразительность, удачливость и приличное состояние; требовался только удобный случай, чтобы семейство Фарнезе приобрело величие и прославило собственное имя. К 1489 году в живых остались четверо детей покойного Пьеро Луиджи Фарнезе. Во главе семьи стоял Анджело, подобно всем тиранам посвятивший себя военному искусству. Алессандро, являвшийся протонотарием, выбрал этот путь с тем, чтобы добиться папской тиары (впоследствии он стал папой Павлом III). Джироламо женился на Раши Флоренсе. Но путеводной звездой этой семьи была молодая, очаровательная Джулия, которая, едва появившись в Риме, снискала прозвище *LaBella*. Ее красота помогла стремитель-

ному взлету семейства Фарнезе, поскольку, едва увидев девушку, кардинал Родриго Борджиа страстно влюбился в нее. Затрудняюсь сказать, существовали ли уже доказательства любовных отношений между пятнадцатилетней Джулией и Борджиа, когда праздновалась свадьба Джулии с Орсо в вице-канцлерском по-восточному роскошном дворце. Возможно, Родриго был представлен во время свадебной церемонии своей племянницей, матерью Орсо. В письме, датированном 1494 годом, Алессандро недвусмысленно намекает на супружескую близость Джулии и Орсо, из чего можно сделать вывод, что с помощью свадьбы они просто легализовали свои отношения и свадьба отнюдь не служила предлогом, который кардинал использовал лишь для того, чтобы заполучить Джулию. Наиболее вероятно, что страстные чувства пробудились у Борджиа уже после свадьбы, когда он встретил Джулию в доме Адрианы, где был частым посетителем, поскольку любил племянницу и доверял ее мнению. Остается неясным, в какой именно момент Адриана поняла, что Борджиа избрал жену ее сына в качестве предмета сластолюбия, и трудно сказать, как и почему Адриана решила стать сообщницей Родриго, и уж совсем непонятно, как об этом она сообщила невестке. Должно быть, Адриане нелегко было принять такое решение, поскольку именно она в первую очередь должна была ужаснуться случившемуся.

Как случилось, что возмутительный тайный сговор между свекровью и невесткой привел не просто к хорошим, а очень доверительным отношениям? Две женщины жили в полной гармонии между собой. Гости находили у них полное единодушие по всем вопросам, касалось ли это друзей, отношений с папой или приема послов. От Джулии требовалось только любить; Адриана с помощью разных ухищрений должна была охранять от посторонних глаз эту любовную связь. Будучи практичной особой, она приготовилась к тому, чтобы пожертвовать сыном, если папа обеспечит ему материальное благополучие. По этой причине она постоянно расхваливала Орсо в Ватикане. Возможно, Адриана считала само собой разумеющимся, что однажды страстному увлечению Родриго наступит конец и тогда будет доказана разумность ее позиции.

Таким образом, в ноябре 1493 года Джулия стала полуофициальной фавориткой Борджиа. Тем не менее, желая снискать расположение папы или добиться каких-либо привилегий, послы и правители гораздо чаще обращались за помощью к Адриане и малышке Лукреции. Три эти женщины жили во вновь отстроенном дворце Санта-Мария-ин-Портико, переданном им кардиналом. Дворец располагался слева от входа в папскую резиденцию в Ватикане и имел отдельный вход в собор Святого Петра, ведущий из личной часовни дворца в Сикстинскую капеллу. Это было великолепное сооружение с крытой галереей, идущей по всему первому этажу, со сводчатыми решетчатыми окнами и множеством просторных, красивых комнат. Его населяли любимые Александром VI женщины вместе со всеми их горничными, служанками и придворными дамами. Так он мог найти женщин, которые либо взывали к его отцовским чувствам, либо пробуждали чувственные желания, либо добивались особых дружеских отношений, которые в его случае подразумевали соучастие в любовной интриге. Он сотрясался от смеха при одной мысли об этом.

Множество Борджиа наводнили Ватикан. Сначала прибыли те, кто уже находился в Риме или Италии. Следом двинулись Борджиа, жившие в Испании; мужчины, женщины, дети и целые семейства устремились в погоню за богатством. Эти ничтожные людишки строили родственные взаимоотношения, вращаясь вокруг главы своего клана.

Александр VI незамедлительно приступил к действиям. Сразу же после избрания папой он передал своему сыну Чезаре архиепископство Валенсии и в проведенной тайно 31 августа консистории возвел своего племянника Джованни Борджиа, в ту пору архиепископа Монреальского, в кардиналы. «Он действовал настолько умело, – отмечает Джанандреа Боккаччо, – что все кардиналы оказали ему активную поддержку». Конклав пока еще без особого подозрения относился к вновь избранному папе, во всяком случае, поскольку Борджиа, не скупясь, одарил кардиналов конклава, родственники папы могли рассчитывать на получение определенных

привилегий. Новоявленный Борджиа расположился в Апостольском дворце. Один из независимых обозревателей описывал Борджиа как «выдающую и весьма авторитетную личность», другими словами, следовало оказывать папе всевозможную помощь и поддержку. Спустя два месяца еще один Борджиа переехал в Ватикан – кузен папы, Родриго, сменивший Доменико Дориа в должности капитана дворцовой охраны. Эти Борджиа предназначались для ограничения власти Асканио Сфорца (именно по этой причине Джулиано делла Ровере, мгновенно оценив обстановку, оказал такую горячую поддержку Джованни Борджиа). Что же касается кардинала Сфорца, то у него не заняло много времени, чтобы понять – ему потребуются все его способности, чтобы удержаться на плаву. Уже ощущалось, что Александр VI станет «понтификом, который будет делать то, что захочет, не обращая ни на кого внимания». Проживая рядом с папой в Ватикане, Асканио пристально наблюдал за ним, ощущая витающие в воздухе тревогу и опасность; не успокаивали и распространявшиеся повсеместно слухи. «Из-за свадьбы племянницы трудно установить отношения с папой», привычка обращаться за помощью к Лукреции в первые месяцы пребывания Родриго у власти не представлялась чем-то особенным, «и все уповают на чудо: даже у короля [Неаполя] появляются шансы на выигрыш». А вот кардинал Асканио чинил всяческие препятствия на пути короля. Он достаточно знал о любви папы к маленькой дочери, чтобы предпринять разумные действия в попытке привлечь ее на сторону Сфорца.

Презренный Джан Галеаццо Сфорца, царствующий миланский герцог, несмотря на молодость, уже изрядно устал от удовольствий и развлечений, которые позволял ему дядя и опекун Людовико Моро (неодобительно относившийся к такому времяпрепровождению). Людовико был из тех людей, у которых жажда власти воистину неутолима, а его жена, Беатрис д'Эсте, принадлежавшая к герцогскому дому Феррара, добавляла к его амбициям собственное неумное честолюбие. Хотя ей не было и двадцати, когда Александр VI вззошел на папский трон, Беатрис д'Эсте уже четко определила цели и пути их достижения. Она была крайне своенравной женщиной, сочетавшей изысканное изящество с тонким умом и болезненным самолюбием, и больше всего на свете ненавидела женщину, лишившую ее, как она считала, положения первой дамы Милана, – благородную Изабеллу Арагонскую, жену Джана Галеаццо. Безусловно, следует признать, что убедить Моро пригласить в Италию чужеземца, чтобы разгромить ненавистную арагонскую династию, могла только обладающая определенными качествами Беатрис, однако вряд ли одна женщина могла бы нести ответственность за серьезные события, которые должны были вскоре последовать. В данный момент это была историческая неизбежность. Беатрис действительно «гениально» разжигала борьбу между Сфорца и Неаполем, и, хотя она, возможно, испытывала муки ревности (насколько мне известно, не найдено никаких писем Беатрис Лукреции), тем не менее согласилась с планом Асканио, согласно которому не следовало упускать такого важного заложника, каким являлась дочь папы римского.

Асканио незамедлительно приступил к внимательному изучению генеалогического древа своей семьи. Рассматривая боковые ветви, он наткнулся на Джованни Сфорца, носящего титул графа де Котиньола и синьора Пезаро, небольшой папской вотчины на границе с Романьей. Джованни, похоже, имел все необходимые качества. Двадцатишестилетний вдовец (его женой была Маддалена де Гонзага), получивший гуманитарное образование, и если его внешность оставляла желать лучшего (это еще мягко сказано), то ему нельзя было отказать в умении одеваться со вкусом и вести светский образ жизни. Он был чрезвычайно тщеславен и корыстен, но по сравнению с пышным великолепием миланских родственников находился практически на уровне плебея.

Итак, Джованни Сфорца был немедленно вызван в Рим, куда и прибыл инкогнито в середине октября 1492 года. Епископ Боккаччо моментально определил, откуда дует ветер, но еще быстрее это понял один из женихов Лукреции, дон Гаспаре д'Аверса, который уже видел своих детей, крепко связанных родственными узами с королевскими домами и правящими

династиями. Когда дон Гаспаре прослышал о планах Сфорца, то немедленно отправился в Рим. Поведение испанца полностью отличалось от осмотрительной манеры фаворита. С контрактом в кармане и при поддержке отца он упорно настаивал на предоставлении аудиенции и с каталонской бравадой объяснял всем без исключения, что он предназначен для того, чтобы чинить препятствия, и что король Испании на его стороне. Он заявил, что обратится ко всем монархам христианского мира в том случае, если не восторжествует справедливость. Слушавшие его люди, закаленные многолетним дипломатическим «хождением по проволоке», задавались единственным вопросом: во сколько обойдется папе бунт дон Гаспаре? Не могу с определенностью утверждать, но, похоже, цена составляла 3 тысячи золотых дукатов. Что мне доподлинно известно, так это то, что Александр VI запутал обоих испанцев, отца и сына, предоставив им право выбора, притворился, что идет на уступки и что составленный 8 августа контракт приостанавливает, но не расторгает прежний брачный контракт. По условию договора свадьба молодого валенсийца откладывалась на год, чтобы «с наступлением более благоприятного момента» он мог бы сочетаться браком с Лукрецией. Я не могу с уверенностью сказать, что имел в виду Александр VI, выставляя подобное условие, но, видимо, с помощью этой уловки он намеревался освободить Лукрецию хотя бы на данный момент. Как дон Гаспаре ни упрямился, но все-таки попал в ловушку. Что касается Джованни Сфорца, то, когда у него поинтересовались его мнением об этой истории, он заявил, что был совершенно уверен в таком исходе. Вернувшись в Пезаро, он сразу же направил своего поверенного в делах мессира Никколо да Сайяно в Рим для подписания контракта; Никколо был доктором права в Ферраре и отличался невероятной хитростью и изворотливостью. С этого времени судьба Лукреции была решена – ей предстояло стать графиней де Пезаро.

Граф де Пезаро, ощущая важность момента, посвятил себя свадебным приготовлениям. Благодаря вмешательству папы он получил хорошо оплачиваемый высокий пост в армии Милана. Люди завидовали ему не только потому, что его будущая жена стала причиной такой конкурентной борьбы, но и потому, что была цветущей, молодой и держала сердце отца в своих маленьких ручках. Было известно, что у Лукреции были потрясающие наряды и украшения (одно только свадебное платье обошлось в 15 тысяч дукатов), что она получит сказочные подарки, а ее брат, герцог Гандийский, являющийся самым элегантным и расточительным юношей Рима, будет увешан великолепными драгоценными камнями. Джованни приготовился играть такую же важную роль, как и его будущие родственники. Но у него не было туго набитого кошелька, и он находил это унижительным; более всего он нуждался в золотом, сложного плетения ожерелье, одном из тех ювелирных шедевров Ренессанса, которые являлись признаком богатства и хорошего вкуса. Джованни решил одолжить ожерелье у брата первой жены, маркиза Мантуанского. Гонзага с удовольствием исполнил его просьбу, поскольку теперь, когда Джованни готовился стать «дорогим сыном Александра VI», было важно обрести его расположение и благосклонность, и отправил ему несколько самых дорогих украшений.

Между тем 2 февраля 1493 года мессир Никколо да Сайяно по доверенности обручил Джованни Сфорца с Лукрецией и подписал брачный контракт. Лукреция незамедлительно приступила к приему гостей, послов королевских домов, прибывших поздравить ее. Ей помогали Сайяно и, конечно, Адриана Мила, получившая блестящую возможность во время приемов использовать испанскую высокопарность и гениальные способности для интриганства. Когда прибывший с поздравлениями от лица герцога и герцогини Феррарских епископ из Модены воспользовался случаем, чтобы попросить кардинальский сан для Ипполито д'Эсте, второго сына графа, ответила, как всегда, Адриана. Она объяснила, что разговаривала с папой по этому вопросу и перспективы превосходные, а затем добавила: «В любом случае мы сделаем его кардиналом». Вероятно, в своих обязанностях наставницы она заходила столь далеко лишь по одной причине: Лукреции было всего тринадцать лет. В какой-то момент из-за распространявшихся слухов, будто папа ведет в Испании переговоры относительно брака дочери с графом

Прада, показалось, что судьба Лукреции в очередной раз должна измениться. Но, как выяснилось, это был всего лишь тактический ход, отвлекающий враждебно настроенных в отношении свадьбы Лукреции и Сфорца. Возможно, летописцы того периода, как и историки более позднего времени, включая Грегоровия, решили, что папа, должно быть, вполне искренне изменил свое решение. В недавно обнаруженном письме Джанандреа Боккаччо сообщает герцогу Феррарскому, что кардинал Асканио конфиденциально, памятуя о тайне исповеди, сообщил ему, что «...для достижения определенной цели и с учетом многих серьезных причин это событие [брак] сохраняется в тайне и умышленно пущен слух, что ее [Лукрецию] выдадут замуж в Испании». Первоначально свадьба была назначена на 24 апреля, праздник святого Георгия, а затем перенесена на май. В итоге окончательной датой было определено 12 июня.

Летом в Риме жарко, но не душно. Когда на небе, кажется, нет ни малейшего намека на облака, откуда-то внезапно налетает ветерок, достигающий каждого раскаленного уголка городских улиц и переулков. Тогда у всех поднимается настроение и появляется ощущение необыкновенной легкости. Должно быть, именно такой ветерок налетел на свадебную кавалькаду, двигавшуюся вдоль городской стены Рима воскресным днем 9 июня. Процессию возглавляли самые влиятельные аристократы в парчовых облачениях, следовавшие за шеренгой пажей, одетых в разноцветные шелка. Придворный шут, «священник» Мамбрино, в бархатном платье и золотом колпаке, дурачась и насмешничая, создавал атмосферу беззаботности. Перед Порто-дель-Пополо жених был встречен придворными кардиналами, и посол Венеции произнес небольшую поздравительную речь, дабы продемонстрировать отеческую благосклонность республики к небольшому графству Пезаро, расположенному на ее границе. Затем под веселую музыку, исполняемую на флейтах и трубах, пышная процессия двинулась дальше. Она блесла и переливалась в горячих солнечных лучах, проходя мимо дворца Святого Марка, через площадь Фиори, по мосту замка Святого ангела, чтобы наконец пройти мимо дворца невесты.

Можно представить себе, что занятая свадебными приготовлениями Адриана Мила заранее подготовила Лукрецию. Девочка уже приняла поздравления и пожелания римских дам и, вероятно, впервые в жизни испытала опьянение, оказавшись центром устремленных на нее сотен глаз.

Все женщины и дети, едва слышав вдалеке звуки труб, оставили невесту одну на почетном месте в лоджии и заняли места у окон. Площадь заполнилась людьми; первыми появились аристократы и пажи, затем кардиналы и, наконец, группа послов, в центре которой находился жених. Взгляды всех, от самого маленького пажа до самого важного посла, были обращены в сторону галереи дворца Санта-Мария, того самого, где жили женщины папы римского, дома Джулии Фарнезе, родственников Иннокентия VIII, известных аристократов Орсини, Колонна и других знатных фамилий. Там находилась маленькая Лукреция, которую «безумно» любил папа, и, как было отмечено, солнце сверкало в ее длинных белокурых волосах, струящихся по хрупким плечам к талии, подобно золотому водопаду. Джованни Сфорца подскочил на лошади к дворцу и остановился под галереей. Взгляды Джованни и Лукреции встретились, и дальше все должно было идти по давно заведенному порядку. Жених знал свою роль. Он, подобно придворному, отвесил поклон в сторону окна, где увидел украшенную драгоценностями головку Лукреции. После этого процессия двинулась к Ватикану, где ее ожидал папа с пятью кардиналами. Граф де Пезаро преклонил колени перед величественным тестем и произнес речь на латыни о нем самом, его государстве и всей принадлежащей ему собственности. Папа ласково ответил. По окончании официального приема граф де Пезаро вместе со свитой направился к кардинальскому дворцу, расположенному рядом с замком Святого ангела, где поселился в ожидании церемонии бракосочетания.

Здесь я хочу прервать повествование, чтобы сказать несколько слов о Джованни Бурхарде, церемониймейстере папского двора и непосредственном свидетеле событий. Немец из Страсбурга, купивший свое место за 400 золотых дукатов, он все время проводил в камерах

и антикамерах Ватикана. Придавая значимость происходящему, вел дневник (записи были на так называемой вульгарной, «кухонной» латыни), в котором отмечал все важные события, свидетелем которых он был. Несмотря на определенную психологическую ограниченность, его, как правило, признают одним из основных очевидцев римского периода жизни Борджиа, хотя находятся историки, подвергающие сомнению надежность его свидетельств. Конечно, следует признать, что иногда создается впечатление, будто он намеренно хотел запутать нас. Страницы дневника «*Liber Notarum*» переполнены мельчайшими деталями различных торжеств и подробностями папского этикета, так что не остается ничего другого, как поверить ему и усмотреть в его педантизме и упорядоченности надежность свидетельства старательного государственного служащего. Правда, временами нам придется столкнуться с такими местами в дневнике, которые предоставят ужасающие обвинения в адрес Борджиа и Лукреции. Бурхард никогда не занимался сплетнями, не обсуждал событий и не высказывал собственного мнения. Его недоброжелательность видна как раз в показной сдержанности. Однако практически невозможно сомневаться в человеке, терпеливо показывающем более чем на сотне страниц, что он понимал, как следовало сохранить свое место. Очевидно, ограниченные пуританские взгляды вынуждали его искажать некоторые события, происходящие в среде Борджиа, но при этом доказывать достоверность представленных свидетельств. Бурхард не осуждал Борджиа; он сухо, точно, даже несколько смягчая, описывал непристойности, свидетелем которых являлся. Большинство современных историков были вынуждены признать, что почти каждое из описанных Бурхардом событий находило отражение в переписке его современников, не подозревавших о дневнике церемониймейстера. У меня еще будет повод вернуться к рассмотрению этого вопроса. А сейчас мы имеем дело с тем Бурхардом, который занимается планированием шествий, приемов и в июне 1493 года занят церемонией бракосочетания дочери папы римского.

Свадьба проходила в новых апартаментах Ватикана, и Пинтуриккьо уже приступил к их росписи. Комнаты, роскошно обставленные, тем не менее, не были загромождены мебелью. Помимо расписных стен, золотых потолков, лепных и мраморных украшений, все убранство состояло из восточных ковров и мягких драпировок. Были там кресла, диваны и бархатные подушки, но самым важным являлся возвышавшийся над всем трон папы, вернее, два трона: один в большом зале, где происходил прием, а другой в небольшой комнате, предназначенной для церемонии. Герцог Гандийский получил задание привести невесту и, надо сказать, великолепно справился с ним. В честь сестры герцог облачился в необычную турецкую мантию, а *la française*, волочащуюся по земле, из золотой струящейся ткани, расшитой огромными жемчужинами; на шее у него было ожерелье из рубинов и жемчуга, а головной убор украшен великолепным бриллиантом.

Наконец настал и день, 12 июня, и час церемонии. Вбежавшие первыми в апартаменты дамы оказались настолько возбуждены, что в спешке многие из них забыли преклонить перед папой колени, — факт, должным образом отмеченный шокированным Бурхардом как признак духовной анархии. Восемь кардиналов ожидали жениха, за которым отправили толпу прелатов, и папу. Жених тоже появился в турецкой мантии, а *la française*, но, в отличие от одеяния герцога Гандийского, на ней не было драгоценных камней, а только ожерелье, которое ему одолжил герцог Мантуи (вызвавшее улыбку узнавания у посла Мантуи). Немедленно по прибытии Сфорца последовал аффектированный выход Хуана и Чезаре, старших сыновей папы, неожиданно появившихся в комнате. Они вошли через потайную дверь, открывшуюся в стене. Чезаре был в епископском облачении, резко контрастировавшем с одеянием брата, роскошь которого вызвала множество пересудов; даже в те дни человек, носящий драгоценные камни стоимостью 150 тысяч дукатов, считался исключительным явлением. В апартаментах Борджиа были небольшие комнаты, и в данном случае в этих экстраординарных условиях они оказались просто забиты людьми. Здесь находились военные и гражданские лица; из уст в уста переда-

вались прославленные имена; ходило множество слухов, и царило лихорадочное возбуждение. Даже острое зрение послов не позволяло им объять все происходящее.

Возвестили о прибытии невесты, и она вошла в украшенном драгоценностями наряде. Лукреция была восхитительна, и даже то, как она напускала на себя вид взрослой женщины, показывало, какой она еще, в сущности, ребенок. В соответствии с модой того времени пышный шлейф ее платья поддерживала красивая девочка-негритянка. По одну сторону от Лукреции шла Джулия Фарнезе, по другую – Лелла Орсини, дочь графа Питильяно, брак которой со старшим братом Джулии, Анджело, соединил их семью с семейством Фарнезе. Следом появилась племянница Иннокентия VIII, Баттистина Арагонская, маркиза Герасе, известная своей элегантностью и слывшая «законодательницей мод своей эпохи». Шлейф ее платья тоже поддерживала маленькая негритянка. Далее следовали знатные дамы, всего сто пятьдесят человек. Комнаты, и так уже тесные от народа, продолжали заполняться. Там уже находились, естественно, все Борджиа, торжествующий Асканио Сфорца с преданным Сан-Северино, кардиналы, архиепископы, римская знать, сенаторы и архивисты, испанская и итальянская аристократия, главный капитан церкви, капитан дворцовой стражи, офицеры и стражники. У Лукреции была легкая, изящная походка (как впоследствии выразился историк, «она несла свое тело настолько грациозно, что, казалось, едва движется»), а чуть впереди шел Джованни Сфорца. Обрученная пара преклонила колени на золотую подстилку у ног папы, и в наступившей тишине раздался голос нотариуса, Бенеймбене, задающего ритуальные вопросы. «Буду, от всего сердца», – ответил Сфорца; «Буду», – отозвалась Лукреция, и епископ Конкордийский (concord – «мир, согласие») – его имя казалось хорошим предзнаменованием – надел новым брачным кольцом. Граф Питильяно держал над головами невесты и жениха обнаженный меч, пока епископ произносил великолепную проповедь о священных узах брака. И наконец, пришло время праздновать.

Обычно чувственностью проникнута атмосфера свадебных торжеств, а учитывая темперамент людей, подобных Борджиа, и особенностей, присущих данной среде, атмосфера скоро должна была стать удушающей. Человек, отвечавший за выбор пьесы – «Menaechmi» Плавта, – очевидно, не сумел оценить обстановку, и стало совершенно ясно, что комедия провалилась. Папа прервал пьесу в середине действия и, подавив зевок, заметил приглянувшейся женщине, что предпочитает современные пьесы «классическим». Однако представленная пастораль, сочиненная Серафино Акуилано в честь супружеской пары, получилась удачной и «очень изящной», по словам летописца. Классические формы, символические и мифологические намеки, так же как и лиризм, все это можно увидеть в лучших образцах современных поэтических произведений. К концу XV века Серафино, переходя из одного двора в другой, овладел искусством сочинять аллегории относительно имен, семей и стремлений своих хозяев королевских кровей и стал придворным фаворитом. Он составлял лестные загадки, которые легко отгадывались и всегда попадали в точку. Наконец, должно быть, подошло время, и внесли закуски, которых, как описывали, было много, но не чрезмерно, и без каких-либо гастрономических изысков. Конфеты и засахаренные фрукты пустили по кругу, в котором слышался довольный смех женщин. Согласно существующему этикету сначала обслуживали папу и кардиналов, затем новобрачных, женщин, прелатов и остальных гостей. Вместо того чтобы отнести на кухню оставшуюся еду, ее бросили в толпу стоящих под окнами простолюдинов. Выкинули более ста фунтов конфет, сокрушался Бурхард.

Вечером папа лично давал обед в честь молодоженов, и у послов особый интерес вызывал список приглашенных, не столько из-за собственного любопытства, сколько из-за необходимости сообщить, кто в нем указан своим повелителям; крайне важно было выяснить, к кому более всего благоволит папа. Обед подали в папском зале, который оставался украшенным еще с утренней церемонии. На обеде присутствовали кардиналы, Теодорина Чибо с ее знаменитыми плечами, Джулия Фарнезе, Лелла Орсини и Адриана Мила. Был там Асканио

Сфорца с герцогом Сан-Северино; а также новый кардинал Борджиа; Джулио Орсини, сеньор Монтеротондо; кардинал Колонна с младшим братом графа Питильяно, братья Лукреции и новобрачные и еще около двадцати гостей. «Праздничный» ужин подошел к концу около полуночи, и вошли слуги со свадебными подарками. В числе подарков миланских Сфорца новой родственнице была всемирно известная миланская парча и два изумительных кольца. Подарок кардинала Асканио оказался практичным, серьезным и почти буржуазным – полный комплект «credenza», серебряный обеденный сервиз, включающий в себя чаши, тарелки, чашки, большое блюдо для сладостей, два кубка; все предметы тончайшей филигранной работы. Пр продемонстрировали и подарки братьев Лукреции, герцога Феррарского, кардинала Борджиа и протонотария Лунати. После показа подарков началось собственно веселье: представления, танцы, музыка, причем, вероятно, самого известного композитора того времени Жоскена де Пре – фламандца, придворного композитора Александра VI. Шло время, веселье становилось все шумнее и безудержнее, пока не перешло в безумную оргию; все современные историки единодушно подчеркивали «мирской» характер праздника. История о том, как засахаренные фрукты и другие сладости попадали за женские корсажи, подействовала на воображение биографов и романистов; впервые о ней поведал римский историк Стефано Инфессура. Но Инфессура сказал лишь о том, что папа забавлялся, бросая сладости в «sinu mulierum», что в моем понимании должно означать «в подолы». В этом случае игра состоит в перебрасывании сладостей от одной дамы к другой, что, по существу, является ребяческой забавой и уж никак не может считаться непристойной. Если все было именно так, то нет ничего странного, что сладости попадали в глубокие декольте; это, вероятно, придавало игре определенную фривольность, но не дает право говорить о разнузданной коллективной оргии.

Можно себе представить Лукрецию, глядящую по сторонам восхищенными, смеющимися глазами, слегка неуютно чувствующую себя в роли невесты, но в то же время получающую удовольствие от всего происходящего. Восхищение вызывали и Джулия Фарнезе, настоящая королева праздника, и невероятная энергия отца, и красота и элегантность брата Хуана, и таинственная и гипнотизирующая власть брата Чезаре. Но каким же было ее впечатление о муже, в честь которого устроили этот праздник? Что она думала о самой себе? Ни один из историков, осуждая ее, не задался вопросом, соответствовал ли ее внутренний мир той жизни, которую она вела на публике. Позже я более подробно остановлюсь на неопубликованном документе, написанном собственноручно папой, из которого стало ясно, что это была всего лишь номинальная свадьба, по крайней мере до середины ноября 1493 года (причина задержки бракосочетания заключалась, без сомнения, в физиологической незрелости Лукреции). Как описать чувства Лукреции, когда на рассвете 13 июня двадцатичетырехчасовое лихорадочное веселье подошло к концу и она отправилась в свою детскую кровать? Освободившись от подвенечного платья, Лукреция, должно быть, еще раз полюбовалась нарядом. Она испытывала удовольствие от дорогих нарядов, поскольку невероятно любила наряжаться. Она наверняка уже имела смутное представление о неожиданностях, ожидавших ее в будущем, но как она могла противостоять им? В последующие дни Лукреция ощущала волнение от сознания собственной значимости, от того, что превратилась в объект преклонения. Только подумайте, какая власть неожиданно оказалась в ее руках! Вероятно, от нахлынувших сюрпризов и волнения, связанного с необходимостью оправдать занимаемое положение, у Лукреции не осталось времени для анализа ситуации, а когда осознала, что вышла замуж, предварительно поняв, что означает быть женщиной, то отправилась исполнять пародию на брак во дворец Санта-Мария-ин-Портико. По всей видимости, она ощущала определенное нравственное и физическое волнение, которое был не в состоянии скрыть Джованни Сфорца. Этот брак стал началом неустойчивого существования, навязанного Лукреции средой и амбициозными устремлениями ее родственников, существование, которое она приняла и продолжала принимать со все возрастающей готовностью. Истинная драма Лукреции кроется не в ее слабости, а в губительности

сделанных ею уступок, по сути означавших капитуляцию. Принятая ею тактика не замечать происходящего вокруг обнаруживает типичную для женщины форму инстинктивной самозащиты, которая хотя и уводит от жизненных проблем, но тоже становится своеобразным проявлением мужества и отваги. Лукреция никогда не была способна дойти до того, чтобы осудить отца и братьев, и не потому, что, чувствуя собственную вину, находилась в затруднительном положении, а просто из-за собственной доброты и мягкосердечности. Самое же элементарное объяснение заключается в том, что она тоже была Борджиа, и в ней, как и во всех Борджиа, величие и благородство сочетались с грубостью, животными инстинктами и свободой от моральных принципов. Ей был свойствен конфликт между религиозностью и чувственностью, между стремлением к упорядоченной жизни и сжигающей ее жаждой желаний, и только в исключительных случаях, преодолев себя, Лукреция шла наперекор отцу, братьям и будущему свекру, герцогу Феррарскому. Все эти редкие проявления бунтарства позволяли ей быть той, которой она была – единственной Борджиа, сохранившей саму себя. Но все это в будущем. В тринадцать лет она еще ребенок, преклоняющийся перед могущественными мужчинами своего семейства и радующийся жизни. Она не чувствовала никакой фальши в том, что стала графиней де Пезаро, а потому и не испытывала тягости.

Глава 2

«Самый чувственный мужчина»

Король Ферранте Арагонский с беспокойством наблюдал из Неаполя за торжествами в честь заключения союза между Сфорца и папой. Король не отправлял послов в Ватикан. Когда граф де Пезаро сообщил ему о свадьбе с Лукрецией, король ответил формальным поздравлением. Он с тревогой ждал новостей от посла Диего Лопеса де Харо, которого по его просьбе его католическое величество, Фердинанд Испанский, отправил в Рим с широкими полномочиями.

Интерес его католического величества к царствующей неапольской династии, что особо подчеркивалось Диего Лопесом, вскоре стал приносить видимые результаты; понтифик с большим дружелюбием начал присматриваться к арагонской династии. Стоило этой благой вести достичь Неаполя, как король решил, что должен воспользоваться полученным преимуществом. Он отправил своего сына Фредерико в Рим с повторным предложением женить Джофре (сына папы), чтобы тот вошел в его династию (как теперь стало известно, к тому времени Чезаре стал кардиналом), и в попытке убедить Александра VI отказаться от союза против Неаполитанского королевства. Фредерико был благосклонно встречен папой и сумел заключить с ним брачное соглашение относительно младшего сына понтифика. В то время Джофре Борджиа еще не было и двенадцати лет, но, по словам посла Флорентине, «он был по-настоящему красив». Однако, как говорится, в отношении Джофре висел большой знак вопроса. Папа достоверно сообщал душевным друзьям и даже тем, кто не особо пользовался его доверием, что полагает, будто Джофре не сын ему, но все равно признает его. У папы, наверное, были собственные причины считать, что Джофре является результатом акта измены, совершенного Ванноццей и ее мужем. По-видимому, король Неаполя не подозревал об имеющихся у папы сомнениях насчет отцовства в случае с Джофре, а если и знал, то не придавал этому значения, иначе не стал бы так настаивать на женитьбе Джофре на своей очаровательной племяннице Санче Арагонской, дочери престолонаследника Альфонсо.

Свадьба Джофре и Санчи праздновалась по доверенности. Принц Фредерико представлял Санчу, и, пока зачитывались стандартные вопросы и шел обмен кольцами, он так смешно пародировал непорочную застенчивость юной невесты, что все общество во главе с папой сотрясало от хохота. По окончании церемонии новой родственник обнялся со всеми Борджиа, и каждый присутствующий продемонстрировал дружелюбие, которое иногда перерастает в личную симпатию, но по большей части оставляет неизменной политическую ситуацию. Создалось впечатление, что юный жених повзрослел (во всех отношениях) и этот день, вероятно, ознаменовал окончание его детства.

Но самые честолюбивые планы были связаны у папы с красивым и дорогим его сердцу Хуаном, являвшимся, как говорится, зеницей его ока. Как сообщил Карло Канале, муж Ванноццы, Гонзага из Мантуи, когда обращался к нему с просьбой о лошадях для Хуана из знаменитых мантуанских конюшен, папа «почти наверняка» видит в «пасынке», как он остроумно назвал мальчика, своего преемника. Хуан жил в предвкушении прекрасного будущего, поскольку не только наследовал Гандийское герцогство старшего брата, но и вместе с невестой Марией Энрикес, кузиной короля Испании, получал королевское покровительство. (Несмотря на то что Педро Луис умер молодым, он оставил свой след в истории; всем известно, что во время службы в армии католического короля он вел себя храбро и имел военные награды.) К сожалению, Хуан не был наделен ни качествами кондотьера, как мечталось его отцу, ни хотя бы хорошего командующего. Он был молод, красив и богат, и все, что ему хотелось, так это пользоваться имеющимися привилегиями и проводить время в компании женщин. Более всего он любил куртизанок, отвечающих его необузданному темпераменту, а кроме того, молоденьких девушек и невест, которые оказывали серьезное сопротивление, тем самым удовлетворяя его

жажду приключений и создавая иллюзию одержанной в ходе сражения победы, – единственный вид сражения, который ему подходил. Ему нравилось шокировать людей, и он хотел у всех без исключения вызывать восторг и восхищение. Иными словами, Хуан был тщеславен, как павлин, и являлся в значительной мере снобом. Ему по сердцу пришлось турецкий принц Джем, самая оригинальная личность в городе, который в это время жил в Ватикане в качестве заложника папы.

Возможно, у Джема на самом деле было не столь уж свирепое лицо, но оно, безусловно, выдавало, несмотря на кажущуюся апатию, коварную азиатскую жестокость. Контраст между смуглой кожей и светлыми глазами, обычно полуприкрытыми, между будто расслабленным, однако проворным телом, между его склонностью и одновременно отвращением к оргиям и чувственным удовольствиям настолько соответствовали экстравагантному и порочному идеалу Хуана, что он полагал, что, по крайней мере, должен хотя бы одеваться как Джем. Римляне скорее с иронией, чем с возмущением отреагировали на появление папского кортежа, возглавляемого герцогом Гандийским и турецким принцем, одетыми в восточные наряды, включая тюрбаны врагов христианского мира, и восседающими на одинаковых конях. Блестели и переливались на солнце церковные облачения и оружие, пока папа пересекал город, чьи церкви, дворцы, дома и средневековые башни были облиты теплым, темным золотом, которое веками доводилось до совершенства. На балконах женщины, разглядывавшие необычный кортеж, преклоняли колени, принимая папское благословение, притворно ужасались при виде турка (ходили слухи, что он не прочь поучаствовать в жестоких забавах) и с удовольствием разглядывали красивую фигуру шестнадцатилетнего герцога Гандийского, который под их взглядами чувствовал себя как нельзя лучше. Итак, задача состояла в том, чтобы женить Хуана на кузине короля Испании, что позволило бы ему стать членом одной из самых могущественных правящих династий Европы.

Папа открыл для обозрения все сундуки, чтобы поразить пышностью и великолепием предстоящей свадьбы. «В лавке рядом с моим домом, – написал Джанандреа Боккаччо, – располагался известный ювелир, который в течение нескольких месяцев только и делал, что вставлял драгоценные камни в кольца и ожерелья и скупал все виды драгоценных камней. Я сам это видел: несметное количество огромных жемчужин, рубины, алмазы, изумруды, сапфиры, и все в отличном состоянии». Все предназначалось герцогу Гандийскому – и не только драгоценности, но и меха рыси, соболя, горностая; сундуки, доверху набитые отрезами парчи и бархата, гобеленами, серебром и коврами. Папа взял на себя ответственность не только за свадебные подарки, но и за сына, его тело и душу. Дон Гинее Фира и Моссен Джеми Пертуза, заслуживающие всяческого доверия советники, были приставлены папой к Хуану, чтобы внимательно следить за молодым человеком и под страхом отлучения от церкви докладывать папе о его поведении. В Испании папа поручил сына заботам епископа Ористанского и, кроме того, проинструктировал всех и каждого, как следует наладить жизнь Хуана с самого первого момента, как он ступит на испанскую землю. Безусловно, это являлось доказательством не только знания Александром VI жизни и обычаев Испании, но и его здравого смысла.

Эти меры ясно давали понять, что папа никогда не доверял Хуану. Александр VI отдал следующие распоряжения. Его сын не должен выходить по ночам, играть в кости и притрагиваться к доходам Гандийского герцогства без согласия приставленных к нему советников. Папа особо подчеркнул, что Хуан должен хорошо обращаться с женой и составлять ей компанию. При прощании с папой 2 августа Хуан, ощущая неловкость, вел себя излишне надменно. Он еще не достиг Чивитавеккьи, а его уже догнал папский гонец, передавший дополнительные инструкции («inter alia» – «среди прочего»): следить за одеждой, заботиться о коже и волосах и немедленно надеть перчатки и не снимать их до Барселоны. Соль разъедает кожу, объяснил папа, а в нашей стране высоко ценятся красивые руки.

Свадьба состоялась в Барселоне в присутствии короля и королевы Испании. После свадьбы молодожены, ненадолго задержавшись в городе, отправились в Валенсию, и в конце концов прибыли в Гандию. Вскоре мрачные сообщения о поведении Хуана достигли Рима. Он выказывал такое пренебрежение к жене, что даже никогда не осуществлял брачных отношений, и, вместо того чтобы оставаться с ней, бродил по ночам с молодыми распутниками. За два месяца в азартных играх и кутежах он растратил 2600 золотых дукатов и попытался прибрать к рукам доходы герцогства. Получив эти сообщения, папа, естественно, пришел в ярость, поскольку опасался, и справедливо, гнева короля Испании, который никогда не простил бы Хуану неуважения к женщине королевских кровей. Итак, обеспокоенность этой стороной дела и обычная для папы озабоченность в отношении поведения его детей в обществе послужили причиной письма, отправленного Александром VI из Витербо 30 октября, в котором он резко порицал сына за его поведение. Папа попросил Чезаре написать письмо брату (я обнаружила его в Ватикане), в котором приписал и от себя несколько строк. Более того, папа настаивал, чтобы кардинал Борджиа написал письмо отцу новобрачной; правда, это письмо со всяческими заверениями все еще не найдено.

Вероятно опасаясь отцовского гнева, Хуан немедленно отправил письмо с пространными объяснениями. Он написал, что отношение отца вынудило его «невероятно страдать, как никогда прежде». Он не понимал, как папа мог поверить «сообщениям, написанным злонамеренными людьми, не принимая во внимание истинное положение вещей».

Что до свадьбы, то, как утверждали достойные, заслуживающие всяческого доверия люди, такие, как архиепископ Ористано, Моссен Пертуза, Фира и другие, она была более чем состоявшейся: разве папа забыл, что он расписал по дням и часам (почему не по минутам?) консуммацию брака? Хуан признавал, что бродил по ночам, но не думал, что может этим нанести большой вред, поскольку находился в компании своего тестя дона Энрико, родственников короля и других рыцарей, честнейших и благороднейших людей, и что он «просто прогуливался, как это принято в Барселоне». По мнению Хуана, ссылка на «обычаи» родной страны должна была смягчить сердце Родриго Каталонского больше, чем любые оправдания. «Что волнует меня больше всего, так это то, что Ваша Светлость смогла поверить этим неправдоподобным слухам». Никого, и уж меньше всего Александра VI, не могли ввести в заблуждение эти заверения в собственной непогрешимости герцога Гандийского, однако теперь папа не слишком волновался, поскольку верил, что Хуан воспринял его нагоняй и станет если не образцово, то по крайней мере регулярно исполнять супружеские обязанности.

Отец и сын продолжали переписываться. Письма Хуана выдают эгоизм, сумасбродство, отсутствие благородства и легкомыслие, в то время как письма Александра VI свидетельствуют об отцовской терпимости и снисходительности. Несмотря на неоднократные заверения Хуана, папа, должно быть, вздохнул с облегчением, когда в феврале 1494 года до него дошло известие о том, что вскоре ожидается прибытие наследника герцога Гандийского. И только тогда папа откинул все сомнения и обратил внимание на старшего сына.

Пожалуй, Чезаре менее чем кто-либо другой имел призвание к духовной жизни и первым признавал это. Но после провала переговоров с королем Ферранте Арагонским относительно женитьбы надежды Чезаре на то, что удастся отказаться от карьеры священнослужителя, испарились. Все выглядело так, будто он готов смириться с карьерой, которую для него планировал отец. Для Чезаре самым существенным независимо от вида деятельности было сохранить независимость, избежать посредственности и направить всю свою энергию на завоевание власти. Он прекрасно понимал пропасть, лежащую между его запросами и существующей действительностью, и овладел искусством лицемерия. С раннего детства он был вынужден готовиться к деятельности, которая, как он понимал, была для него непригодна, и точно так же он понимал, что Хуану не подходит выбранная отцом карьера военного. Итак, на двадцать лет раньше большинства мужчин Чезаре, оказавшись перед реальностью вести обособленное

существование, испытывал либо сжигающее честолюбие, либо пессимизм. Несомненно, его озлобленность играла важную роль в отгороженности от мира, и осложненная этими обстоятельствами юность прошла в молчании, которое является первым и последним пристанищем разочарованных. Его уязвимость и обидчивость переросли в жестокость, сделав из него чудовище; Чезаре изучил слабости отца, и его собственный путь оказался поистине дьявольским. Одиночество было его крепостью, а непоколебимое мужество и независимость были призваны служить идолу Чезаре – силе власти.

Однако, хотя его заветным желанием было взойти на престол, существовал древний закон, запрещающий бастардам даже королевской крови входить в состав Священной коллегии. Следовало добиться компромиссного решения. В булле Сикста IV, узаконившей Чезаре, о нем говорилось как об отпрыске епископа и замужней женщины. Теперь ребенок замужней женщины являлся по закону отпрыском ее мужа. Отсюда, следуя данному аргументу, отцом Чезаре был мужчина по имени Доменико д'Ариньяно, являвшийся мужем Ванноццы на момент рождения Чезаре. В булле, устранявшей незаконность рождения, папа великодушно позволил Чезаре носить фамилию Борджиа. Александр VI создал прецедент, подписав другую буллу, подтверждающую, что он сам является отцом Чезаре.

Две буллы касались вопроса установления очередности рождения братьев Борджиа. В булле от 19 сентября 1493 года Александр VI доказал с полной определенностью, что после смерти д'Ариньяно в конце 1474 – го или в начале 1475 года Ванноцца произвела на свет Хуана, что красноречиво свидетельствует о том, что Чезаре был старше Хуана.

Хотя этот вопрос вызвал некоторые разногласия, современные историки признали подлинность второй буллы от 1493 года. Теперь принято считать, что Чезаре родился в 1474-м или в 1475 году, а Хуан в 1476-м. Но не следует считать, что Чезаре только потому, что был старше, не имел оснований завидовать Хуану. Ничего подобного. Поскольку Чезаре был старшим сыном, то его раздражение и ненависть к Хуану более чем объяснимы; младший брат лишил его права первородства и воспользовался всеми преимуществами папского положения. Любой сколько-нибудь знакомый с семейной жизнью должен согласиться, что ничто не вызывает большей враждебности в старших сыновьях, чем осознание того, что их предпочли младшим, особенно если это незаслуженно. Пока был жив Педро Луис, все казалось достаточно справедливым. Как старший сын, он получал основную часть фамильной собственности Борджиа. Чезаре, будучи вторым по старшинству, предназначался для церковной карьеры, а третий и четвертый сыновья имели обычные для их положения перспективы.

Смерть Педро Луиса вызвала замешательство. Должно быть, Чезаре мгновенно был охвачен завистью, как только Хуану, не отличавшемуся способностями, предоставили высокое положение. К тому же булла, в которой декларировалось, что он был сыном такой малоизвестной персоны, как д'Ариньяно, нанесла сокрушительный удар по его самолюбию.

Срочно была созвана консистория для легитимации Чезаре. Ни у кого даже не возникло желания оспорить это решение. Добившись своего, папа звучным голосом в свойственной ему обворожительной манере сообщил: «Ваши преосвященства, подготовьтесь! Завтра, в пятницу, мы желаем выбрать новых кардиналов».

Трудно было оспорить предложение, сделанное таким естественным тоном, не говоря уже о том, что это был приказ. Правда, кардинал Карафа осмелился поинтересоваться у папы, должным ли образом рассмотрен вопрос соответствия выбранных кандидатур. На это папа ответил, что вопрос компетентности кандидатов касается его одного и он настаивает на своем мнении независимо от тех, кто смеет говорить, что не желает в коллегии кардиналов, которые «устраивают папу». По мере выступления гнев папы нарастал, и, говоря о противниках, он заявил: «Я покажу им, кем является Александр VI, а если они будут упорно добиваться своего, я в Рождество выберу столько новых кардиналов, сколько смогу. Никогда им не удастся выгнать меня из Рима». После его угрозы никто уже не смел возражать, и небольшая группа при-

существующих кардиналов возобновила процедуру выдвижения новых кандидатур в коллегия. Список кандидатур возглавлял Чезаре Борджиа, за ним следовал Алессандро Фарнезе, брат Джулии, далее Ипполито д'Эсте Феррарский, Лунати Павиа, Чезарини и еще несколько человек, в общей сложности тринадцать. Те, кто будет поддерживать папу и значительно уменьшит власть прежних членов коллегии, которые в свою очередь поведут тех, кто воздержался от путешествия в Рим, заявляя, что никогда не признают новых кандидатов. Однако стоило им признать сына папы, как у них уже не оставалось иного выхода, как признать остальных кандидатов и, таким образом, подчиниться всем желаниям Александра VI.

После многообещающего и удачного лета старый король Ферранте впал в уныние. Бессонными ночами он пытался постигнуть цели, рождающиеся в мозгу Александра VI. Король знал, что Карл VIII отправил в Рим посла, чтобы выдвинуть требования к Неаполитанскому королевству, но тот вернулся во Францию ни с чем. Однако король понимал, что существует взаимопонимание между папой и Сфорца, и от этого ему было не по себе. Асканию все еще являлся влиятельной фигурой, и, хотя уже появились признаки уменьшения его влияния, это еще пока не стало заметно за пределами Ватикана.

Король Неаполя поручил послу передать папе подарки и убедить прислать в Неаполь Джофре, чтобы он женился на донне Санче. Но хотя внесенные послом предложения были сделаны с величайшим тактом, ответом на них послужили всего лишь слова, и не более. Кроме того, Чезаре, который теперь назывался Валентинуа, или Валенца, в связи с тем, что стал архиепископом Валенсии, начал переговоры со злейшим врагом Неаполя, Карлом VIII. Надо сказать, что положение Сфорца казалось более устойчивым, чем прежде. Итак, как отметил Бурхард, в состоянии угнетенности, от недостатка сочувствия король умер.

Ферранте Арагонский был жестоким и вспыльчивым деспотом, но, несмотря на все недостатки, прославился тем, что поощрял искусства и литературу. Его сын Альфонсо, герцог Калабрийский, ставший его преемником на троне, имел еще более грубый и жесткий характер, но ему не было присуще сочетание жестокости и великодушия.

Однако правление Альфонсо II началось достаточно благоприятно. Александр VI, удовлетворенный бесчисленными дарами и теми привилегиями, которые сулил его сыновьям новый король, неожиданно проявил дружелюбие. В Ватикане было издано два распоряжения. В одном кардиналу Джованни Борджиа предписывалось отправиться в Неаполь с папской буллой для коронования нового короля от лица его святейшества; другое касалось отъезда Джофре и его женитьбы на принцессе. Оба отправились в путь. Младшего Борджиа сопровождал Вирджинио Орсини, капитан-генерал арагонской армии, с вновь сформированной свитой, в которой достойное место занимал испанец дон Феррандо Диксер. Папа поручил дону Феррандо не только сына, но и две шкатулки с драгоценностями: одну для Джофре, а другую для его будущей жены.

Санча Арагонская имела все основания для недовольства. Хотя ей было всего шестнадцать лет, ее красота уже получила широкую известность. Она была смуглолицей, с темными волосами, с глазами цвета морской волны, той особой прозрачности, что имеет губительную власть, под выразительными бровями, напоминающими море под лиловыми скалами Капри. Мать Санчи, мадонна Труциа, была родом из знатной неаполитанской семьи и, кроме дочери, имела сына от короля Альфонсо. Брат Санчитоже был невероятно красив и принят в королевском дворце на правах законного ребенка. Думая о женихе, навязанном Римом, Санча давала выход своему бурному темпераменту. Что может шестнадцатилетняя женщина, особенно подобная ей, делать с тринадцатилетним мальчиком? Остается только гадать, была ли Санча в близких отношениях с Онорато Каэтани, племянником графа Фонди и своим первым женихом. Но даже если она не была влюблена в него, то, вероятно, привыкла к мысли, что выйдет замуж за мужчину, а не за ребенка. Все, что она могла сделать, чтобы отвлечься от мыслей, связанных с крушением всех надежд, так это строить честолюбивые планы или вына-

шивать тайные планы мести. У нее хватало советчиков, мужчин и женщин, чтобы внушать ей такие мысли, но, возможно, ее представление о существующей действительности позволяло ей иметь собственные суждения.

Джофре был встречен Фредерико Арагонским и четырнадцатилетним братом Санчи, Альфонсо. Младший сын папы оказался таким очаровательным и веселым, что даже на Санчу при всей ее недоброжелательности произвел неплохое впечатление. Неаполитанцы приняли Джофре как принца, и 7 мая 1494 года он сочетался браком в замке Нуова в присутствии короля, принца Фредерико, дяди невесты, кардинала Монреальского, двенадцати женщин и девочек из свиты Санчи и нескольких знатных гостей. Когда епископ Тропейский задал положенный по ритуалу вопрос, мальчик ответил так по-детски, что это вызвало улыбку. Но всеобщее веселье сменилось восхищением, когда дон Феррандо Диксер внес великолепные подарки – ожерелья из жемчуга, украшения из рубинов, алмазов и продолговатых жемчужин и четырнадцать колец с драгоценными камнями. Золотая парча, бархат и шелка, следовавшие за этим, очевидно, выбирались знатоком, и, должно быть, при взгляде на все это великолепие в Санче проснулись глубоко запрятанные женские инстинкты. Больше всего она любила вызывать восхищение и возбуждать низменные страсти и вожделение и помнила о большом количестве торжеств, начало которым положит коронация ее отца.

Церемония была поистине великолепной. Каждый предмет, который использовался во время коронации – корона, скипетр и меч, – сопровождался особым ритуалом, и Бурхард, бывший в свите кардинала Борджиа в Неаполе, с таким удовольствием описывал эту процедуру, что даже при всем своем педантизме не мог удержаться от лирики. Альфонсо II был торжественно миропомазан на королевский престол, и после оглашения отпущенных папой грехов взойшел на престол. По одну его сторону, но ступенькой ниже, находился Понтано, седовласый, с невозмутимым выражением лица, который передавал королевское обращение, а следом за ним герольд выкрикивал слово за словом, тщательно выговаривая каждый звук, в толпу.

Король не замедлил воспользоваться предоставленными ему исключительными правами для произведения в гранды. Первым, кто удостоился этой милости, был герцог Гандийский, получивший титул князя Трикарико, графа Кьярамонте и Лаурии и звание королевского лейтенанта королевства Сицилия. Следом шел младший брат. Джофре шагнул вперед и преклонил колени у подножия трона. Король, касаясь украшенной драгоценными камнями шпагой левого уха Джофре, произнес традиционные слова инвеституры: «Господь Бог и святой Георг сделали из тебя настоящего рыцаря». Джофре получил герцогство Скуиллаче и графство Кориати, а также звание пэра с геральдической надписью на гербе: «Скорее смерть, чем предательство». Вирджинию Орсини был вознагражден за неоднократно доказанную преданность – акты предательства были на этот момент забыты – должностью начальника стражи королевства. А затем перед собравшейся толпой проследовала пышная процессия в честь состоявшейся коронации Альфонсо II.

Церковный обряд бракосочетания Джофре и Санчи проходил 11 мая в королевской часовне замка Нуова. Епископ Гравинский отслужил мессу. После причастия епископ поцеловал дьякона в губы, тот передал поцелуй жениху, а жених – невесте. После окончания мессы и благословения все общество присутствовало на концерте «музыки совершенной и изумительной». По окончании был дан званый обед. Вечером Джофре дожидался невесту в их новом доме недалеко от замка Нуова. Вскоре она появилась в сопровождении короля и кардинала Борджиа, и они все вместе поднялись по ступенькам в спальню новобрачных.

Подруги Санчи, женщины и девушки, подготовили все для проведения ночного обряда. Старшим женщинам была вменена следующая обязанность: раздеть Санчу и Джофре, уложить их в постель и накрыть только до талии, как это предписывал обряд. После чего женщины вышли, и в опочивальню вошли король и кардинал Монреальский. По праву старшинства эти две важные персоны принялись поддразнивать молодоженов и восхищаться принцем, который,

как заявил кардинал Борджиа, «полон энергии... и я много бы дал за то, чтобы другие увидели его так, как вижу его я». Приближался рассвет, и, благословив новобрачных, король с легатом вышли из дому под сильный ливень.

Тем временем другой новобрачный из семейства Борджиа, Джованни Сфорца, выказывал все большее беспокойство. Наигравшись за два месяца в брак, он под предлогом эпидемии чумы, охватившей Рим летом 1493 года, испросил разрешения вернуться на побережье Адриатики. Получив его, Джованни 2 или 3 августа покинул Рим, оставив Лукрецию одну во дворце Санта-Мария-ин-Портико. В начале сентября Джованни, понимая, что для него все может плохо закончиться, во всяком случае в финансовом отношении, написал папе письмо с просьбой выплатить аванс в размере 5 тысяч дукатов на том основании, что на него со всех сторон насаждают торгаши, требующие оплатить свадебные расходы. Папа детально обсудил это письмо с кардиналом Сфорца. Как он написал зятю 15 сентября 1493 года, они сочли, что ближе к середине октября, когда воздух станет прохладнее и будет благотворно сказываться на организме, Джованни следует не просто вернуться в Рим, а приступить к своим обязанностям в качестве мужа Лукреции. После этого он получит не 5 тысяч дукатов, а целых 30 тысяч приданого Лукреции, и, кроме того, папа окажет ему помощь в ведении семейной жизни. Не будет ли он так любезен незамедлительно прислать ответ?

Об этом папском предложении было известно только Фелисианджели. Написанное на пергаменте и отправленное из Урбино в архив Флоренции, оно так никогда и не было обнаружено. Вне всяких сомнений, оно является бесспорным доказательством, что прежде между молодоженами не было супружеских отношений. В чем же причина? Совершенно очевидно, что Лукреция, представленная в брачном контракте как зрелая женщина, на самом деле была еще слишком юной для брачных отношений. И все-таки, несмотря на, казалось бы, очевидную ясность, остаются основания для размышлений. Начать с того, что Сфорца мог быть тайно информирован о желательности фактического брака. А если предположить, что Александр VI намеренно хотел использовать возвращение зятя как официальное признание его положения в качестве законного мужа, тогда обещание папы полностью выплатить приданое может восприниматься как поддержка или награда. Но на самом деле ситуация ухудшалась. Несмотря на откровенное приглашение, Джованни оставался в Пезаро весь октябрь и отправился в Рим только 10 ноября. Ватикан был прекрасно осведомлен, что Джованни Сфорца вернулся в Рим, чтобы «выполнять обязательства в отношении Его Святейшества и установить полноценные отношения со своей знаменитой женой». Нет никаких свидетельств тому, что произошло, когда Джованни приехал в Рим. Возможно, состоялось какое-то закрытое для посторонних празднество, но Джованни после Рождества опять вернулся в Пезаро и только в конце января решил покончить с разъездами и зажить семейной жизнью вместе с женой во дворце Санта-Мария-ин-Портико.

В невероятно сложный исторический период Джованни Сфорца оказался явной жертвой комплекса неполноценности. Он был напуган папой и опасался разрыва родственных отношений с Миланом. Он всякий раз замирал, ощущая возникающие между ними разногласия, и испытывал облегчение, заметив признаки согласия. Его власть была так же ограничена, как у принца-консорта. Так что его статус, внешне казавшийся значительным, на самом деле ничего не значил.

Но вернемся к Лукреции. Из всех событий, происходящих в человеческой жизни, брак является одним из наиболее таинственных и сложных для понимания, а потому трудно сказать, что произошло между Лукрецией и ее мужем. Более поздние источники утверждают, что они жили душа в душу; доказательством служит то уважение, которое Лукреция выказывала на людях своему мужу. Хотя это может говорить всего лишь о привитом Лукреции чувстве долга и уважения. Однако, как бы ни проходили ее ночи, дни и вечера были целиком заполнены бесконечными вечеринками, приемами и церемониями. В Санта-Мария-ин-Портико постоянно

царило оживление и велись нескончаемые интриги. Послы и приверженцы принцев приобрели привычку собираться там для решения деловых вопросов. «Большинство тех, кто ищет здесь выгоду (от папы), проходят через эту дверь», – говорит один из информаторов. Ни для кого не секрет, что у Лукреции целые ящики заполнены просьбами и обращениями, и, по-видимому, так же обстояли дела у Джулии и Адрианы. Три эти женщины проводили дни в покое и согласии; они все пользовались благосклонностью папы, не испытывая чувства соперничества, а папа со своей стороны всегда помнил о них и делился лучшими дарами, которые присылали в Ватикан.

Во дворце вместе с Джулией жила ее дочь Лаура. По слухам, папа являлся отцом этой двухлетней девочки, и в надежде на то, что папа даст ей хорошее приданое, ее замужество уже являлось темой обсуждений (хотя впоследствии мы получим доказательства самого папы, которые вызовут сомнения относительно этого родства). О красоте Джулии ходили легенды по всей Италии. Все биографы Борджиа приводят известное описание ее внешности, сделанное зятем, Лоренцо Пуччи: «Я приехал в Санта-Мария-ин-Портико, чтобы повидать мадонну Джулию, которая, когда я увидел ее, только что закончила мыть волосы. Вместе с ней у огня сидели мадонна Лукреция, дочь нашего Высокопреосвященства, и мадонна Адриана... Джулия несколько располнела и стала еще очаровательнее. В моем присутствии она распустила волосы, которые заструились до самого пола... Затем она накрыла волосы невесомой, как облако, сверкающей, как солнце, сеткой... Она была одета по неаполитанской моде, как и мадонна Лукреция. Но спустя какое-то время маленькая Лукреция вышла переодеться и вернулась в платье из фиолетового шелка».

В середине 1494 года двор готовился покинуть Рим, чтобы сопровождать Лукрецию в Пезаро; Джованни Сфорца был напуган политикой папы, который теперь, казалось, преследовал и пронеаполитанцев, и антифранцузов, и антимиланцев. Папа пытается уговорить короля Франции отказаться от попытки завоевать Неаполь. Но у Карла VIII иные намерения. В марте он сообщает папе о своем решении ввести войска в Италию и покорить Неаполь; в этом случае он поселится в Ватикане и «устроит там свой дом». Александр VI лавировал, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Неожиданно возникает новая проблема в лице Джулиано делла Ровере, перетавившего Асканио Сфорца на французскую сторону. Теперь Асканио отказывается в поддержке Неаполю и Арагонам. Он покидает крепость в Остии и направляется во Францию.

Это событие оказалось решающим. Король Карл VIII, воспользовавшись неосторожностью кардинала, использовал возникшую в Италии неразбериху и невероятную слабость Неаполитанского королевства и принялся собирать армию. Папа начал готовиться к обороне. Джованни Сфорца был напуган этими приготовлениями и, несмотря на всяческие заверения папы, понимал, что в Риме у него земля ускользает из-под ног. Страх, как известно, опьяняет трусливых и придает им определенную степень безрассудства. Вот почему Джованни каждый день интересовался в Ватикане (выражение его лица было красноречивее слов), что будет с ним и его семьей. Джованни оказался в трудном положении: с одной стороны, он был связан родственными узами с Миланским королевством, а с другой – был зятем папы римского. Он так настойчиво сокрушался по поводу своего тяжелого положения и так часто мучил папу вопросами о будущем, что в конце концов папа вышел из себя и обвинил Джованни в желании узнать результаты до начала событий. Джованни на время замолчал, но по мере приближения штормовой волны из Франции он опять почувствовал себя отрезанным от своего убежища в Пезаро. В конце концов, возможно, по совету кого-то более умного, чем он сам, Джованни изменил тактику и заявил папе, что народ в Пезаро жаждет увидеть свою графиню и пришло время показаться там. Аргумент оказался столь лестным и разумным, что папа согласился, да и, кроме того, чума вновь грозила опустошить Рим. Лукреция получила разрешение покинуть Рим, а с ней Джулия Фарнезе и Адриана Мила. Возможно, папа хотел оградить их от эпидемии, а

может, у него были какие-то другие мотивы. В свите, сопровождавшей отъезжающих, была и Лукреция Лопес, дочь Датари и Хуана Монкады, прислуживавшая Джулии Фарнезе. Папа серьезно обсудил с Адрианой путешествие, обратный маршрут и дату возвращения – июль и нежно попрощался со своими женщинами. 31 мая они покинули Рим.

Путешествие было долгим, но не утомило путешественниц; Джулия оставалась прекрасной, Лукреция – веселой, а Адриана – энергичной. Процессия проследовала через Умбрию и герцогство Урбино, в котором благородный гуманист Джидобальдо ди Монтефельтро сиял подобно звезде на фоне бледной геральдической красоты Елизаветы Гонзага. Герцог с герцогиней не вышли встречать процессию, вероятно опасаясь чумы, но их подданные приветствовали путешественников. Когда четырнадцатилетняя графиня 8 июня наконец достигла Пезаро, то увидела украшенные флагами улицы и сгорающую от любопытства толпу. Погода была отвратительной. Процессия до нитки вымокла под проливным дождем, который погасил сверкание золота и серебра и испортил великолепное зрелище. Процессия устремилась вперед, надеясь проскочить между двумя дождевыми зарядами, и брошенные им цветы были растоптаны в грязи. Стоило Лукреции оказаться во дворце, как она тут же удалилась в свою комнату. Во всей этой суматохе «вечером мы заботились только о том, чтобы одеться во что-нибудь сухое» – так написал Джованни Сфорца в письме, отправленном на следующий день папе. В конце концов, дождь не имел такого уж существенного значения. Наследующий день засияло солнце, и у женщин сразу улучшилось настроение. Они составили программы танцев и игр и весело проводили время, заставляя провинциальную публику в изумлении взирать на их роскошные наряды. Среди женщин, посещавших организованные ими балы и вечеринки, выделялась Екатерина Гонзага, известная не только своим аристократическим происхождением, но и невероятной красотой. Джулия и Лукреция не опасались конкуренции со стороны провинциальной аристократки, но эта жительница Ломбардии все-таки не давала им покоя, и они стали задаваться вопросом: почему бы им не устроить конкурс красоты? С помощью Адрианы, не участвовавшей в конкурсе, они облачаются в самые изысканные наряды и с удовольствием оглядывают друг друга. Их глаза светятся в предвкушении светского успеха. Сопровождавший их Джованни Сфорца одет не менее изысканно. Как образно написала Джулия: «Все выглядело так, будто мы, для того чтобы всех поразить, перевернули вверх дном Флоренцию в поисках парчи». Собралось много народу, все живущие поблизости аристократки, и, когда появилась Екатерина Гонзага, Лукреция и Джулия, оглядев ее в промежутках между танцами и разговорами, поздравили ее, делая вид, что восхищены. Была ли Екатерина на самом деле так уж красива? Лукреция улыбнулась про себя и глянула на Джулию, которая ответила незаметной для окружающих улыбкой. Свои впечатления Лукреция описала на следующий день в письме к папе: «Я должна сообщить Вашему Блаженству о красоте Екатерины Гонзага, поскольку уверена, что слухи о ней заставили думать Вас, что она прекрасна. Начну с того, что она на шесть дюймов выше мадонны Джулии, у нее прекрасный цвет лица, белая кожа, красивые руки и фигура. Но у нее некрасивый рот и ужасные зубы, большие светлые глаза, нос скорее уродливый, вытянутое лицо, отвратительного цвета волосы... Она свободно и легко говорит. Я горела желанием увидеть, как она танцует, но это не произвело на меня большого впечатления. Короче, она ни в чем не оправдывает свою репутацию [*presentia minuit famam*]. Такой Екатерина Гонзага вошла в историю. Но в письме, описывающем эти же события, отправленном Екатериной Гонзага папе римскому, она пишет, что Лукреция чрезвычайно похожа на своего отца «остроумием и умением держаться с истинно королевским величием; она настоящая аристократка».

Все присутствующие единодушно присуждают первое место Лукреции, а вот в отношении достоинств Джулии и Екатерины мнения разделяются. Мы являемся обладателями бесценного, неопубликованного прежде мнения, составленного Джакомо Драгони, доктора Святейшего престола. По окончании празднеств он в деталях описывает конкурс своему покровителю

Чезаре Борджиа, сравнивая смуглую кожу Джулии, ее черные глаза, круглое лицо и необыкновенную пылкость [*quidam ardor*] с белой кожей и голубыми глазами Екатерины Гонзага.

В письме в Рим, относящемся к этому периоду, Джулия использует излишне мирское обращение к понтифику, говоря: «Мой единственный повелитель». Это письмо, как и послание Лукреции, была найдено и опубликовано пастором.

Сдержанно описывая все эти празднества и балы, Джулия тем самым вызывала противоположную реакцию – возбуждала любопытство. Она заверяла папу, что он может не волноваться; его Лукреция весьма удачно вышла замуж и ведет себя изумительно; Пезаро даже более цивилизованный город, нежели Фолиджо, и все без исключения с любовью относятся к Сфорца. Да, здесь каждый день танцы и пение, музыкальные и театральные представления, но их святейшество не должно вообразить, что это делает их с Адрианой счастливыми. Увы, «поскольку здесь нет Вашего Святейшества, а все мое счастье и благополучие зависят от Вашего Святейшества, я не нахожу никакого удовольствия в этих развлечениях; ведь только там, где мое сокровище, находится и мое сердце». В этот момент ни Джулия, ни Александр VI не находили ничего смешного в том, что Джулия называет папу «мое сокровище». «Не верьте никаким слухам, Вас просто хотят ввести в заблуждение, – продолжает Джулия. – Ваша Светлость не должны забывать нас. Мы здесь как в заточении, но, несмотря на надежду на скорое возвращение, пишите нам хоть иногда». Она благодарит папу за новую милость, оказанную ее брату, кардиналу Фарнезе, и заканчивает письмо, чтобы «не наскучить ему». Но и речи не было о том, что она могла бы наскучить папе. Александр VI с жаром ответил, что, чем более длинными и пылкими будут ее письма, тем большее удовольствие он будет получать от их чтения. Используемые им выражения больше подходили двадцатилетнему юноше, нежели шестидесятидвухлетнему мужчине.

Джулия также писала о Катерине Сфорца, но это письмо не дошло до нас. Судя по ответному посланию папы, она из кокетства превозносила достоинства своей соперницы. «Ты уделила излишне много времени описанию красоты этой женщины, которая недостойна даже развязывать шнурки на твоих туфлях. Мы знаем, что ты вела себя скромно, и нам очевидны причины твоего поведения: каждый из тех, кто написал нам, уверял, что на твоём фоне она выглядела как фонарь по сравнению с солнцем. Когда ты пытаешься доказать, насколько она красива, твое собственное совершенство становится еще более очевидным, в чем мы, говоря по правде, никогда и не сомневались. И нам бы хотелось, поскольку это является абсолютно очевидным для нас, чтобы ты полностью и безраздельно принадлежала человеку, который любит тебя, как никто в мире. А когда ты полностью осознаешь это, если уже не осознала, мы будем считать тебя столь же мудрой, сколь и красивой». В этих строках одновременно слышатся любовь и ревность. Нам не называют имя соперника, который помешал Александру «полностью и безраздельно» овладеть Джулией, но последующие события наводят на мысль, что это был не кто иной, как муж Джулии, Орсино Орсини, находящийся в изгнании в крепости Басанелло.

Адриана Мила тоже отправляла из Пезаро нежные письма, заявляя, что единственное ее желание – это жить «в тени» папы. «Я вновь веряю Орсино Вашему Святейшеству», – пишет Адриана. Отправленный с определенной целью следом за женщинами Франческо Гасет, доверенное лицо Борджиа, посылал в Рим обстоятельные рассказы о событиях в Пезаро. Гасет, каноник из Толедо, сведущий во многих тайнах Ватикана, был представлен на свадьбе Джулии и Орсино Орсини. Он был подхалимом, это требовалось ему для решения собственной задачи, но в то же время он был весьма сообразительным и находчивым и умел с помощью логических построений разгадывать сложные дамские капризы, оставаясь при этом крайне уважительным и предупредительным по отношению к женщинам. В результате женщины устраивали вокруг него страшную суматоху. «Учитывая, что мне известно, что он является преданным рабом Вашего Святейшества, и в связи с его отношением к нам, я чувствую потребность со всей воз-

можной теплотой рекомендовать его Вашему Блаженству, чтобы Вы соблаговолили осознать то рвение, с каким он служит нам и насколько преуспевает в этом» – так писала Лукреция отцу.

К сожалению, утеряны почти все письма Гасета. Александр VI, жаждущий новостей, в каждом письме жаловался, что женщины проявляют к нему полное равнодушие и вообще забыли его. В результате, когда в конце июня 1494 года до Рима дошли известия о душевной болезни Лукреции, разразилась буря. У Александра VI пробудился отцовский инстинкт, и он, трепеща от страха, посылал одно за другим письма и посланцев в Пезаро до тех пор, пока не получил собственноручное послание от Лукреции, сообщавшей о своем состоянии. Папа незамедлительно ответил: «Донна Лукреция, возлюбленная дочь, на четыре или пять дней ты погрузила нас в глубокое отчаяние. Мы были переполнены тревогой из-за зловещих и ужасающих новостей, распространяемых в Риме, будто бы ты умерла или настолько плоха, что нет никакой надежды на то, что тебе удастся выжить. Принимая во внимание безграничную любовь, которую мы питаем к тебе, как ни к кому в мире, можешь себе вообразить, какое горе вызвали у нас эти слухи. И до тех пор пока мы не получили твое собственноручное письмо, написанное с трудом и показывающее, что ты пока еще чувствуешь себя неважно, мы не могли обрести спокойствия в душе. Мы благодарим Бога и Нашу Владычицу Небесную, что они избавили тебя от опасности, и заверяем, что не будем счастливы до тех пор, пока лично не увидим тебя».

Папа предложил Лукреции (чтобы способствовать ее возвращению в Рим и навести определенный порядок в делах Сфорца, которые медленно, но верно, вели к катастрофе) такой выход: граф Пезаро должен порвать отношения с Миланом, «поскольку Миланское герцогство, увидев, что мы объединились с королем Альфонсо, будет неохотно выплачивать ему деньги, и у него не остается иного выхода, как следовать нашим желаниям и принять командование неаполитанским отрядом». Папа просил незамедлительно дать ответ, но граф де Пезаро оказался в весьма затруднительном положении; достаточно сказать, что он зависел от Александра VI не только как синьор его преосвященства, но и как зять. Джованни страшился сделать решительный шаг, поскольку папа требовал от него пойти против собственной крови и разорвать родственные узы с миланской родней. Сфорца, оказавшись перед выбором или – или, повел себя крайне недостойно. Он принял командование неаполитанским отрядом и, соответственно, денежное содержание, но одновременно повел рискованную игру, сообщая миланским Сфорца сведения о мощности и дислокации армии Неаполя. Это было даже хуже, чем шпионаж; это была государственная измена, которая во все времена расценивалась как тяжкое преступление. Письма Сфорца показывают, насколько он был напуган тем, что творил. В одном из них, написанном 2 августа 1494 года, Джованни Сфорца сообщает Людовико Моро, что предоставил миланскому посланнику Раймондо де Раймонди всю имеющуюся информацию относительно передвижений армий герцога Калабрийского в Романью, и подчеркивает, что если просочится даже малая толика этой информации, то он окажется в серьезной опасности, поскольку служит у папы.

Лукреция не могла иметь ни малейшего представления о происходящем. Что же касается Александра VI, то он, возможно, осознавал, что вокруг него что-то затевается, но если и так, то считал несвоевременным что-либо предпринимать в ответ. В тот момент основное беспокойство вызывало у него лавинообразное наступление французов, но, несмотря на это, его стремление поскорее увидеть своих любимых женщин ничуть не уменьшалось. В связи с этим он пишет Адриане Мила, не могла бы она предпринять какие-либо действия, чтобы ускорить их возвращение. «Дорогой племяннице» поручалось осторожно выяснить, не собирается ли Джованни Сфорца возвращаться в Рим. «Если он пока не упоминал при тебе об этом, – писал папа, – действуй осмотрительно и благоразумно вместе с мессиром Франческо Гасетом... чтобы выяснить, что он задумал, потому что вышеуказанный синьор Джованни должен быть готов к тому, чтобы позволить тебе сопровождать донну Лукрецию, в то время как

он сам останется в Пезаро, чтобы присматривать за своими людьми и охранять свое государство, в особенности теперь, когда французы наступают и с суши, и с моря. Мы напишем, чтобы вас отправили как можно скорее, потому что нам кажется нежелательным, чтобы во времена, подобные этим, когда в стране множество вооруженных всадников, вы находились в Пезаро». Александр в нетерпении ждал ответа, и уже после его получения договорился о встрече с королем Неаполя. Эта важная встреча, на которой папа и Альфонсо II заключили союз, происходила 14 июля 1494 года в Виковаре.

Письмо Адриане, написанное 8 июля, если и дошло до нее, то, во всяком случае, в тот момент она не была расположена ни становиться соучастницей, ни проявлять послушание. Между тем в первых числах июля Джулия часто получала письма из Каподимонте, в которых родные писали, что ее брат Анджело, глава семьи, тяжело болен и, вероятно, скоро умрет, и убеждали Джулию немедленно приехать, если она хочет повидаться с братом. Джулия решает отправиться в дорогу, хотя это решение идет вразрез с распоряжениями папы насчет Лукреции, и муж Лукреции, чрезвычайно расстроенный этим обстоятельством, делает все, чтобы удержать Джулию. Однако она отказывается выслушивать их аргументы: что ей папа? На рассвете 12 июля Джулия вместе с Адрианой Мила, Франческо Гасетом и еще несколькими сопровождающими направляется к озеру Больсена. Услышав о взятии в плен путешественников, папа приходит в ярость и сурово упрекает Лукрецию с мужем за то, что они позволили женщинам уехать. Учитывая разумность мотивов, двигавших Джулией, такие обвинения по меньшей мере вызывают недоумение. Поскольку в тот момент Джованни Сфорца находился в Урбино, занимаясь слежкой за герцогом Джидобальдо Монтефельтро и арагонской армией, Лукреция отвечает на письмо, рассказывая, как все произошло, но, поскольку она повредила руку и была не в состоянии сама писать, папа подозрительно отнесся к ее письму. Ему казалось, что сквозь оправдания просматриваются равнодушие, лживость и что, в отличие от Чезаре, ему (папе) она посылала ложные сведения. Но прежде всего он заподозрил ее в отсутствии дочерней любви, поскольку она не выказала никакого желания вернуться к отцу. Свое краткое послание он отправил в Пезаро с мессиром Лелио Каподиферро, который, кроме того, должен был передать на словах весьма суровое и подробное сообщение, которое повергло Лукрецию в «невыразимую печаль». Отношения с отцом, который выражал свою любовь таким безрадостным образом, были не так просты, как это могло бы показаться. Лукреция обратила внимание папы, что если его и поразило последнее письмо, то нет никакой причины для удивления, поскольку оно было написано советником, и его стиль изложения (что совершенно очевидно) отличается от женского. Если папа перечитает ее сообщение спокойно и сравнит с тем, что она написала Чезаре, то сможет увидеть, что между ними нет принципиальной разницы. Он должен верить в ее любовь, поскольку она ничего не желает так сильно, как «оказаться у ног Вашего Блаженства, и смиренно, изо всех сил я умоляю Вас сделать меня достойной Вас, поскольку я не успокоюсь до тех пор, пока не добьюсь оправдания». Проявления нежности со стороны Лукреции охладили пыл «быка» Борджиа; нетрудно понять, что Лукреция тут же заслужила прощение и опять была на хорошем счету у папы.

А вот с Джулией все обстояло иначе. Она вовремя добралась до Каподимонте; ей удалось повидаться с братом и скрасить его последние предсмертные часы. После смерти Анджело Джулии пришлось остаться, чтобы утешить вдову брата, Леллу Орсини, которая впоследствии ушла в женской монастырь во Флоренции и постриглась в монахини. Выполнив семейный долг, Джулия и не подумала уезжать из дома. Наоборот, осталась вместе с матерью, сестрой Джироламой Фарнезе Пуччи, кардиналом Алессандро, Адрианой Мила и Франческо Гасетом – счастливым пленником, не обратившим никакого внимания на многочисленные требования папы вернуться в Рим. Нам неизвестны мотивы поведения Джулии, так не соответствующие ее обычному отношению к папе и содержанию ее последних писем. Высказывалось мнение, что у нее были политические причины, но какими они могли быть в это время, когда предпо-

лагалось, что Орсини были наивернейшими союзниками короля Неаполя и папы римского? Пастор же объясняет этот случай следующим образом: конфликт страстей вполне мог быть усилен политическими интригами. Я попробую внести ясность в этот вопрос, поскольку его нельзя объяснить одной лишь политикой.

Бассанелло, владение Орсини, находится между Орте и Витербо. Это обедневшая деревушка, расположенная на небольшой возвышенности, население которой составляли старики и военные. Внушительная крепость прямоугольной формы, закругленная по краям, с укрепленными башнями, господствовала над расположенными внизу каменными домами. В Бассанелло имела церковь в романском стиле с колокольной, средневековые стены которой являлись свидетелями прошлой войны; церковь страдала и испытывала дискомфорт ради удовлетворения чьих-то честолюбивых замыслов. Из окон замка видна долина, через которую несет свои воды Тибр. За горизонт уходят дороги, в которые пристально вглядывался в 1494 году Орсино Орсини в ожидании путешественников из Каподимонте или Рима.

Любовная связь между папой и Джулией была известна всей Италии уже по крайней мере в течение двух лет, и Орсино более не мог выносить сложившегося положения. Придавленный властью и влиянием папы, он выбрал превосходный момент, чтобы поднять восстание.

Подобно всем Орсини, которые подчеркивали свою независимость, сражаясь на стороне союзника Александра VI, короля Неаполя, Орсино в начале сентября получил приказ двинуть свои войска в Умбрию для соединения с арагонской армией под командованием герцога Калабрийского. В это время Джулия вместе с Адрианой Мила находилась в Каподимонте под защитой брата, кардинала Алессандро, и можно предположить, что Орсини не имел никаких особых оснований для беспокойства. Но, как сообщил Орсини один из его информаторов, Александр VI пытался заполучить Джулию обратно в Рим. Поэтому по прибытии в Читта-дель-Кастелло Орсино сказался больным, отправил своих солдат вперед, а сам остался под предлогом выздоровления. А затем, затаив злобу, отправился домой.

Теперь, когда Орсино оказался в Каподимонте, он стал серьезной помехой для возвращения Джулии в Рим; одной из вероятных причин была та, что Александр VI был обеспокоен общественным мнением. Папа по-прежнему страстно желал Джулию, но решил попробовать штурмовать крепость через третье лицо. Он прекрасно осознавал, насколько деликатна сложившаяся ситуация. Король Франции вторгся на территорию Италии с явным намерением, подсказанным ему многочисленными врагами Александра VI, свергнуть папу с престола. В данный момент скандал был абсолютно не нужен, поэтому папе, чтобы достигнуть своей цели, следовало разработать план, как обойти или Орсино, или брата Джулии, кардинала Фарнезе.

Тем временем Орсино вынужден был, отказавшись от идеи проведения военной кампании, расположиться рядом с Бассанелло. Он прикинул оборонительные возможности своего замка и решил, что может позволить себе поднять восстание. Орсино заявил матери, жене и кардиналу Фарнезе, что Джулия должна покинуть Каподимонте и приехать в Бассанелло. Если же она ослушается, то весь мир, даже если это будет стоить ему (Орсино) жизни и потери состояния, узнает об этом скандале. Слова Орсино не соответствовали его силе, но его семья получила передышку. Это решение вконец расстроило Адриану Мила, которая не могла игнорировать тот факт, что Орсино был ее сыном. Вероятно, даже нежную и чувственную Джулию удалось склонить на сторону ее косоглазого мужа. Фра Тезео Серипандо, преданный советник Орсино, сообщил Джулии о той ярости, которой были пронизаны письма ее мужа, написанные в интересах обоих супругов. «Я вижу, что синьор Орсини, – писал Серипандо четкими по смыслу, но не отточенными с литературной точки зрения фразами, – терзается мыслями и испытывает большое неудовольствие из-за вашего неприбытия и вообразил, что вы, вместо того чтобы приехать сюда, отправились в Рим. Но если бы вы совершили такую ошибку, то он скорее распрощался бы с тысячью жизней, если бы у него было столько жизней, и со всем имеющимся у него имуществом, чем пережил бы это. Одним словом, я вижу, что он очень

недоволен, кипит от ярости и совершает странные поступки. Я из чувства долга к вам обоим пытаюсь успокоить его и заставить изменить планы. Однако я ничего не могу поделать с тем, что он решил: вы не должны ехать в Рим, а должны приехать сюда, и обязан сказать, что если еще что-нибудь произойдет, то он станет подобно дьяволу...»

Не было никого, с кем Орсино мог обсудить свои «коварные замыслы». А в это время Александр VI со все возрастающим жаром призывал Джулию в Рим, настолько ни перед чем не останавливаясь, что кардинал Фарнезе в попытке сохранить остатки достоинства семейств Орсини и Фарнезе отправил Адриану Мила в Рим. Ничего не добившись, она 14 октября вернулась в Каподимонте, «Бог знает как устав», как она сама сообщила. Адриана привезла непреклонное требование папы: Джулия должна приехать в Рим. Кардинал Фарнезе возмущен подобным требованием и отказывается выполнять желание папы; у него тоже есть чувство собственного достоинства (несмотря на то что он являлся жертвой честолюбия, и Паскуино называл его «кардиналом от юбки», непристойно обыграв его имя. Впоследствии кардинал Фарнезе стал папой Павлом III).

Несколькими днями ранее кардинал Фарнезе написал папе, что будет всегда служить ему «там, где это будет возможно». А теперь пусть папа узнает через Адриану Мила, что кардинал Фарнезе готов на многое, но только не на это. «Вашей репутации будет нанесен урон, если вы решитесь на столь серьезный шаг, как разрыв отношений с Орсино, учинив такого рода скандал, да еще публично». В тот же день Франческо Гасет, по приказу хозяина неотступно следовавший за Джулией, написал следующее: кардинал, ради того чтобы услужить его святейшеству, не будет возражать против оскорбления Орсино, но не готов к тому, чтобы его семейство оказалось втянутым в скандал и подверглось позору. Не будет ли лучше, писал Гасет, пригласить мужа Джулии в Рим, чтобы позаботиться об Орсини, чем вынуждать его к началу боевых действий? Проще поступить именно так, поскольку тогда Орсини превратятся в послушное орудие папы. Таким образом, отодвинув Орсино в сторону, будет проще разобраться с женщинами. Но, черт возьми, его святейшество должен действовать быстро.

Между тем Александр VI послал архидьякона, возможно Пьетро де Солиса, к Орсино с лаконичным требованием отправить жену в Рим. Архидьякона задержали по прибытии в Каподимонте и отправили обратно в Рим, куда 19 октября он прибыл в сопровождении Наваррико, одного из сторонников Борджиа, доставившего папе письма от Адрианы, Франческо Гасета и Джулии. Эти письма однозначно дают понять, что кардинал решил защищать семью от нравственной гибели и не намерен позволять сестре без разрешения мужа отправиться в Рим. Адриана явно расстроена; она не видит никакого выхода из создавшейся ситуации. Джулия, раздраженная борьбой за ее обладание, капризничает. Возможно, ее волновала и приводила в восхищение горячность мужа, посмеявшегося оказать сопротивление могущественному врагу, несмотря на то что Орсино был предан матерью, женой, родственниками и даже собственным советником. Если Джулия действительно была доброй и чувствительной женщиной, то она могла решить, что скорее обязана отдать свою красоту человеку, проявившему храбрость, чем тому, кто злоупотребил своей властью. Возможно и то, что Джулия, отстаивая собственную позицию, подняла не-большой бунт, что случается с каждой женщиной по крайней мере раз в жизни. Во всяком случае, она заявила папе, что не собирается уезжать из Каподимонте без разрешения Орсино.

Читая между строк письма, полученные 19 и 20 октября, папа понимает, что его противники заключили союз, чтобы не дать осуществиться его желанию увидеть Джулию, которое постепенно переросло в сжигающую страсть. Он обязан бороться. Схватив одно из писем, лежащих на столе, и, оторвав обращение в начале письма, он пишет ответ, обращаясь к Джулии: «Неблагодарная и коварная Джулия. Наваррико привез нам письмо от тебя, в котором ты объявляешь о своем решении не приезжать сюда без согласия Орсино. Хотя мы и решили, что душа у тебя и у того, кто направляет тебя, недобрая, мы не можем поверить, что ты посту-

пишь так вероломно и неблагодарно, хотя неоднократно клялась, что будешь безоговорочно нам подчиняться и не приблизишься к Орсино. А теперь ты хочешь поступить наперекор и, рискуя жизнью, отправиться в Бассанелло только для того, чтобы отдаться этому жеребцу. Мы надеемся, что ты и неблагодарная Адриана осознаете ваше заблуждение и раскаетесь. Настоящим под угрозой отречения и вечного проклятия мы запрещаем тебе покидать Каподимонте или Марту и тем более отправляться в Бассанелло».

Видя всю бессмысленность обращений и приказов, Александр VI вынужден прибегнуть к решительным мерам. Но это письмо представляет особый интерес для историка, поскольку является косвенным свидетельством близости между Джулией и ее мужем, результатом которой, по всей видимости, явился ребенок. Поскольку единственным родившимся в браке ребенком была маленькая Лаура, считавшаяся ребенком Александра VI, мы вправе предположить, что у Джулии был еще один ребенок, мертворожденный или умерший вскоре после рождения, или что Лаура была дочерью Орсини. В этом случае Джулия, должно быть, выдала Лауру за дочь папы в надежде обеспечить ей более удачное замужество.

Следующее письмо папа адресовал Адриане, причем еще более жесткое и грубое, чем то, что получила ее невестка. «У тебя злонамеренная и недобрая душа», – написал папа и далее выразил надежду, что она приползет за покаянием под страхом отлучения от церкви. В третьем письме, адресованном кардиналу Фарнезе, папа официально заявил, что кардинал, по всей видимости, слишком быстро забыл о полученных милостях, и приказал запретить Джулии поездку в Бассанелло. Самым длинным из всех писем было послание Франческо Гасету, которое никогда не публиковалось. Папа написал на собственном специфическом языке – некоей смеси латинского, итальянского и испанского языков. Он выражал недовольство каждым, начиная с самого Гасета, затем перейдя на Адриану, которая после многочисленных обещаний «*tota si es voltada*», «*declarant nos expressament que ella non vuol menar aci a Giulia contro la voluntat de Ursino*»^[2]. Как она могла предпочесть эту обезьяну нам? Но скоро они увидят, с кем имеют дело. Папа сообщил Гасету, что прочел письмо из Бассанелло от Фра Тезео Серипандо Джулии (этим объясняется, почему письмо было обнаружено в архивах Ватикана), которое дало выход накопившейся злости. Если Джулия и мадонна Адриана изволят выбрать Орсино, они будут отлучены от церкви, как, впрочем, и сам Орсино, и кузен Джулии, Ренуччио Фарнезе. Дав выход своей ярости, Борджиа приказал Гасету немедленно сообщить ему о решении, принятом женщинами. Да, Джулия *LaBella* задала много работы канцелярии Ватикана, только успевавшей переправлять все эти приказы и угрозы отлучения от церкви!

Между тем причина всех этих волнений оставалась в замке в Каподимонте, стоявшем на высоком берегу озера Больсена. Поначалу она очень расстроилась, но, поскольку была женщиной здравомыслящей, скоро утешилась. Стоило ей перестать ощущать себя предметом мужских желаний и вернуться к повседневной жизни, как она легко примирилась с внезапным и резким окончанием романа с мужем. В этом ей, вероятно, помог и безвольный Орсини. Если бы он отважился бросить вызов папе, отправился в Каподимонте с командой наемников и приказал семейству Фарнезе по имеющемуся у него праву отдать жену, они бы не могли отказать ему в этом. Но такая мысль никогда не приходила ему в голову. Он, должно быть, вскоре устал от собственного бунта, и архидьякон, которого Александр VI вновь направил в Бассанелло, был приветливо встречен в замке. После продолжительной беседы архидьякон вернулся в Рим к папе с посланием от Орсино, в котором говорилось: «Архидьякон, податель этого письма, передал мне послание Вашего Святейшества и еще кое-что на словах от Вас. Я хорошо понял смысл, заключенный в вашем вопросе». В этом коротком послании трусу, потерявшему самообладание, предлагалось капитулировать... а в остальном папа советовал архидьякону действовать, исходя «исключительно из принципа доброй воли». Это означало (или предвещало) капитуляцию, и в следующем месяце Джулия и Адриана отправились в Рим. Орсино даже попытался извлечь выгоду из создавшегося положения, начисто забыв о собственном заявле-

нии, что скорее предпочтет потерять все имущество, чем вынесет оскорбление. 28 ноября он попросил у папы солидную сумму денег, чтобы заплатить войскам, сказав, что они отказываются двигаться походным маршем до тех пор, пока им не выплатят жалованье. В этот момент войска Орсини столкнулись с серьезными трудностями, и появились признаки будущей страшной измены Орсини.

Теперь женщины могли свободно отправиться в Рим, и софизмы Джулии исчезли так же легко, как упорство Орсино. В конце ноября женщины все еще оставались в Каподимонте, но информатор прояснил ситуацию, объяснив, что они остаются там «в распоряжении... легата Его Высокопреосвященства» и просто были задержаны до прибытия мессира Аничино, доверенного лица Борджиа, который должен сопровождать их «туда, куда они желают отправиться», – иными словами, в Рим. А тем временем у Лукреции продолжалась спокойная провинциальная жизнь в Пезаро.

В это самое время Италия начала испытывать на себе весь ужас чужеземного вторжения. Король Франции наступал во главе хорошо обученной армии, готовой сражаться в сложных климатических условиях и стремящейся к завоеваниям. Франция в целом не стремилась к войне, но даже очаровательной королеве Анне Бретонской не удалось отвлечь короля от стоявшей перед ним цели. Карл VIII был маленького роста, и итальянцы тут же присвоили ему прозвище *Le Petit* – Малыш. Советники убедили короля в существовании в Неаполе мощной группировки, которая страстно желала господства Франции, и, кроме того, имелись призывы о помощи со стороны Людовико Моро и Джулиано делла Ровере. Причина, по которой французский король оставил свою королеву в Гренобле и 3 сентября оказался в Италии, заключалась в его донкихотской любви к риску и славе.

Глава 3

Графиня де Пезаро

Вскоре положение стало угрожающим. Французский флот под командованием Луи Орлеанского одержал победу в Рапалло над арагонским флотом, и собравшиеся в Аиксе итальянцы, среди которых были Джулиано делла Ровере, герцог Эрколе д'Эсте, Людовико Моро с женой Беатрис и их пышные дворы, засвидетельствовали свое почтение королю Франции. Через несколько дней в Па-вии произошла трагическая встреча Карла VIII и Изабеллы Арагонской. Изабелла бросилась в ноги королю и, хотя понимала, что он пришел в Италию вести войну против семьи, к которой она принадлежала, умоляла его защитить законную ветвь Сфорца – ее мужа и сына – от узурпатора Людовико Моро. Безусловно, появление Изабеллы и ее мольбы произвели впечатление на Карла VIII. Но меньше чем через месяц, Джан Галеаццо неожиданно умер. Неизвестно, была ли эта смерть естественной или насильственной, но Людовико вместе с торжествующей женой взшел на престол герцогов Миланских.

Французская армия, миновав Пьяченцу, Сарцану и Пизу (в Пизе Савонарола предстал перед королем и заявил, что является Божьим посланником, присланным для проведения реформации церкви), продолжала двигаться в сторону Неаполя. Под всеобщее ликование французы вошли во Флоренцию и приготовились двинуться в Рим.

Но, несмотря на успехи, а возможно, именно из-за них, Карл VIII осознавал, что не посмеет напасть на главу христианского мира. На него никоим образом не повлияли настойчивые предложения кардинала Джулиано делла Ровере созвать церковный собор и свергнуть папу. У Карла была причина опасаться других европейских держав, и он понимал, что его жена, королева Анна, не одобрит подобных действий. По его мнению, было бы гораздо лучше, соблюдая правила, получить разрешение папы пройти через Рим. Но Александр VI по-прежнему настаивал на сопротивлении, и, когда Асканио Сфорца явился в Рим для ведения переговоров, папа задержал его в качестве заложника. Между тем французская армия продвигалась настолько быстро, что среди прочих дел папа стал всерьез беспокоиться о Джулии Фарнезе.

Теперь, когда Орсино изменил свое мнение и подчинился требованиям папы, Джулия наконец-то могла в сопровождении сестры Джироламы Фарнезе Пуччи и, нет нужды добавлять, синьоры Адрианы отправиться в Рим. Ранним утром 29 ноября карета с тремя женщинами, сопровождаемая тридцатью всадниками, двинулась в путь. Довольно скоро кавалькада была неожиданно остановлена вооруженными всадниками. Попытка оказать сопротивление была не только бесполезной, но и весьма опасной, и путешественникам не оставалось другого выбора, как сдаться на милость разведывательного отряда французов под командованием Ива д'Аллегры, которому, казалось, самой судьбой было предназначено покорять красивых женщин. Французы, завороженные красотой путешественниц, сопровождали их в Монтефьясконе, где, по свидетельству Джулии, им оказали блестящий прием. Когда французский посланец в соответствии с обычаем прибыл в Рим с требованием выкупа, папа тяжело воспринял полученные известия. Ни одна лошадь на земле не казалась ему достаточно быстрой для того, чтобы доставить потребованные в качестве выкупа 3 тысячи скудо. Для большей безопасности папа отправил с деньгами заслуживающего доверия камерария, Джованни Марравеса, но, полагая, что и этого недостаточно, не только сам написал королю, но и обратился к семейству Сан-Северино (которые даже в это непростое время были преданы Сфорца) и вынудил кардинала Фредерико, который в то время находился в Риме, написать своему брату, стороннику Карла VIII, Галеаццо де Сан-Северино. Галеаццо Сан-Северино оставил свидетельство своих переговоров с королем Карлом. Пастор опубликовал одно из писем Галеаццо, адресованных его брату-кардиналу, хотя большего внимания заслуживает собственноручное послание Александра VI, и по сей день остающееся неизвестным. «Сразу же по получении папского послания, – пишет

Галеаццо, — я предстал перед королем большинства христиан и, напомнив Его Величеству случай с задержанием вышеуказанных синьор... обратился к нему с просьбой такими словами, которые, по моему суждению, были достаточно любезны, чтобы Их Величество соблаговолило освободить пленниц. На это [Его Величество] благосклонно ответил мне, что это является и его желанием; он собирался отправить их ближе к вечеру, поскольку хотел, чтобы в Рим их сопровождал доверенный человек из его окружения...» Узнав об освобождении и скором прибытии женщин, Александр VI, отбросив все мысли о политике, подобно двадцатилетнему юноше, занялся подготовкой к встрече. Первым делом он занялся собственным нарядом, который должен был выглядеть не только элегантно, но и уместно. Александр выбрал черный бархатный плащ, отделанный золотом и делавший его намного стройнее, изящные валенсийские сапоги, красивый испанский шарф и бархатную шапочку. Меч и кинжал, довершившие костюм, служили лишь отчасти для защиты, а в первую очередь для того, чтобы очаровательные женщины не обнаружили слишком большой разницы между ним и блестящим военным эскортом, сопровождавшим их в Рим. Но вот, наконец, те, ради которых затевался весь этот маскарад, в сопровождении четырехсот французов подъехали к воротам Рима. В темноте, разгоняемой светом факелов, папа видит полную любви улыбку на обращенном к нему смуглом лице Джулии. По свидетельству летописцев, Джулия провела эту ночь в Ватикане.

Мы не находим ничего странного в том, что присущие Александру VI выдающиеся способности и темперамент позволили ему не просто устоять, но избежать унижений в последовавшем за этими событиями тяжелом периоде. С каждым днем французы подходили все ближе. Падение Чивитавеккьи отрезало возможность уйти морем; в какой-то момент, когда в Ватикане стояли сундуки, наполненные гобеленами и драгоценностями, такой вариант рассматривался. Окончательный удар нанес Орсини, внезапно в декабре перебежавший на сторону Франции и предложивший королю свой замок в Брацциано в качестве военного штаба. На семейных советах Орсини голос мужа Джулии имел не слишком большой вес. По всей видимости, нам следует предположить, что он был в центре заговора, оказавшегося столь роковым для планов сопротивления, предусмотренных папой. В результате Александр VI остался с небольшой горсткой арагонских и испанских солдат среди безразличных людей, и поскольку не имел достойных союзников, то и не имел иной альтернативы, как позволить французской армии проследовать через Рим в направлении Неаполитанского королевства. Король Альфонсо предложил папе крепость Гаета, но получил отказ; единственная крепость, которой доверял Александр VI, был замок Святого ангела, откуда с бельведера он мог наблюдать за пасущимися внизу лошадьми французского короля. Сфорца освободили, и соглашение было достигнуто.

Карл VIII, не встретив сопротивления, вошел в Рим в последний день декабря 1494 года во главе французской армии, прошедшей торжественным шестичасовым маршем вместе с 2500 аристократами, большую часть которых составляли флорентийцы, одетые в роскошные одежды и увешанные драгоценностями; с группами гасконских арбалетчиков, невысокого роста, но энергичных, мускулистых мужчин; с лучниками, жезлоносцами и артиллеристами. Когда они, появившись на Виа Лата, проследовали вместе с королем до его временного пристанища во дворце Святого Марка, ныне палаццо Венеция, армия показалась огромной. У главного входа во дворец были установлены орудия, а тем временем в городе, насчитывающем едва более 60 тысяч человек, 30 тысяч молодых мужчин лишились душевного равновесия. Французская армия поняла, что безоружный город лежит у ее ног, и начала грабить дома и дворцы, насиловать женщин и воровать все, что попадалось под руку. Король Франции установил на площадях виселицы в качестве красноречивого предупреждения, не имевшего никакого практического значения. Мародерство по-прежнему процветало. Дом Ванноцци на Пьяцца Бранка сильно пострадал; это великолепно меблированное жилище являлось первоклассной добычей, и грабители, должно быть, испытывали особенное удовлетворение, обворовывая столь необычную фаворитку.

А что в это время делала Ванноцца? Существует предание, будто французские солдаты изнасиловали ее в собственном доме и она призывала Чезаре отомстить за это деяние. Но эта история не подтверждена ни документами, ни логикой вещей. Вероятнее предположить, что Ванноцца ушла из дому и с помощью мужа спряталась в надежном месте (или Александр VI предложил убежище для своей фаворитки). Может, она укрылась в замке Святого ангела, как делала это в других случаях в бурные периоды жизни Борджиа. Три коротких письма, обнаруженные Пастором в 1831 году в секретных архивах Ватикана, доказывают, что папа никогда не забывал мать своих детей и продолжал видеться с ней после восшествия на папский престол. Пастор обнаружил вышеуказанные письма среди посланий, датированных 1493-м и 1494 годами, которые в 1627 году заново классифицировал Конфалоньери, но не было предпринято никаких усилий для установления их точной даты. Теперь установлено, что найденные письма Ванноццы относятся к 1493–1494 годам и в одном из них содержится информация, не оставляющая никаких сомнений. Это просьба об аудиенции. Ванноцца просит папу принять ее, поскольку она должна сообщить ему «много вещей, о которых, я уверена, Ваше Святейшество было бы радо услышать», и прежде всего ей хотелось вместе порадоваться «благим вестям о герцоге и родившемся у него прекрасном сыне». В то время в семье Борджиа был только один герцог, Хуан Гандийский, и поскольку его жена Мария Энрикес в ноябре 1494 года родила ему сына и преемника, то письмо, по всей видимости, относится к этому событию и написано в конце ноября или в начале декабря. Эти письма показывают, что Ванноцца, энергичная и практичная женщина, жила как никогда полной жизнью. В ней нет ничего от попрошайки, и когда она просит об аудиенции, то знает, что получит ее. О дне и часе встречи договаривался Карло Канале, всегда готовый служить «почтовым голубем» между папой и Ванноццей.

Не стоит говорить, что вряд ли кому удастся заставить врасплох людей, владеющих искусством скрывать подлинные чувства. Однако, как мне кажется, первое письмо, написанное из Рима в третьем лице, в отличие от всех других писем Ванноццы может пролить свет на обсуждаемую проблему. «Ванноцца смиренно просит у ног Его Святейшества, чтобы он соблаговолил дать ей завтра вечером аудиенцию, поскольку ее сердце сжимается от страха и она надеется, что любой ценой, как можно скорее, получит разрешение». Похоже, «страх» относится к сметающему все на своем пути вторжению французов. Но даже если это письмо не доказывает с полной однозначностью, что в тот момент Ванноцца находилась далеко от Рима, то, по крайней мере, показывает, что она готова защищаться при малейшей угрозе чумы или войны. Следовательно, у нас имеется еще одна причина, по которой можно предположить, что нападение на дом Ванноццы на Пьяцца Бранка было связано с грабежом, а отнюдь не с насилием.

Другая интересующая нас проблема имеет отношение к Джулии Фарнезе, которая была для папы дороже Ванноццы. Она, похоже, не укрывалась в замке Святого ангела, но осталась ли она в Риме, найдя прибежище в одном из дворцов Фарнезе? По счастливой случайности мне удалось обнаружить в архивах Ватикана письмо, которое пролило свет на некоторые противоречия, относящиеся к тому времени. Вот письмо, написанное Джакобелло Сильвестри, епископом Аллатрийским, и адресованное «Его Светлости» Марианно Савелли, который был в близких отношениях с семейством Фарнезе и на тот момент участвовал во французской кампании. Взволнованным тоном человека, способного разглядеть все возможные опасности, епископ сообщает Савелли, что Карло Фарнезе приказал ему при первой же возможности увезти Джулию из Рима. Хотя поначалу Джулия «заупрямилась» и не захотела уезжать, но в конце концов прислушалась к его увещаниям и заявила, что будет готова сразу же отправиться в путь, как только ей предоставят достаточное количество лошадей и надежный эскорт. «В связи с этим, – добавляет Сильвестри, – я прошу Вашу Светлость действовать быстро, чтобы удовлетворить ее требования, поскольку, честно говоря, мне кажется непозволительным то, что она должна оставаться здесь, а то, что здесь может произойти, принесет всем мало чести, поскольку Его Высокопреосвященство монсеньор (кардинал Фарнезе) хорошо понимает, что

будет терзаться до тех пор, пока она не уедет из Рима. Ради Бога, пусть Ваша Светлость найдет способ отправить ее, чтобы она могла уехать отсюда».

Если Орсино не признал поражения, то это сделал брат Джулии, кардинал более могущественный, чем Орсино. В этом, как и в других, относящихся к делу документах, ни один из которых не может быть заподозрен в пристрастном отношении, мы не видим, чтобы будущему папе Павлу III досаждали отношения между Джулией и Александром VI, а значит, с него полностью снято подозрение в соучастии, в котором его обвиняют некоторые историки. Он подчинился силе. Но глубина его страданий, как написал епископ Аллатрийский, заключается в моральной поддержке. Как раз в это время или немного позже флорентийский информатор отмечает: «Я слышал, что для мадонны Джулии изготавливают кольца стоимостью тысяча дукатов, а бедному кардиналу не на что жить». Это тоже говорит в пользу Фарнезе. У него было гораздо больше забот, чем у Орсини, и люди, которым он доверял, при первой возможности были готовы оторвать его сестру от Борджиа. К тому же его, должно быть, обуял ужас при мысли о том, что может произойти, если находящиеся в Риме французы начнут противоборство с папой римским, а тогда можно будет ожидать чего угодно от такого множества вооруженных людей. Когда Джулию взяли под стражу, он был глубоко задет саркастическими замечаниями, гуляющими по стране. Нам неизвестно, какова была реакция Савелли на письмо епископа и вообще дошло ли письмо до адресата; согласно архивам Ватикана, письмо было перехвачено папскими офицерами и передано Александру VI. Как бы то ни было, но епископ, являвшийся сторонником кардинала Фарнезе, был в скором времени обвинен в деятельности, направленной против Борджиа, и заключен в тюрьму замка Святого ангела, где и был забыт вплоть до смерти Александра VI. Но даже если это письмо и не являлось непосредственной причиной длительного тюремного заключения, оно, по крайней мере, демонстрирует дух епископа и его готовность использовать любую возможность, чтобы противостоять желаниям Борджиа. Известно, уехала Джулия из Рима или нет, и мне не удалось обнаружить ее следы, относящиеся к этому периоду, в Риме или Каподимонте. Тот факт, что о ней не было ничего слышно в период французской оккупации, говорит о том, что она находилась в надежном месте.

А теперь давайте вернемся к папе, в его крепость на Тибре. Александр VI прекрасно осознавал опасность оккупации города французами и понимал, что при первой же удобной возможности их следует тем или иным способом выбить из города. Папа срочно приступил к переговорам, в результате которых французской армии было предоставлено право прохода через территорию папского государства. В качестве залога папа передает крепость Чивитавеккью, турецкого принца Джема и кардинала Валенсийского Чезаре Борджиа; последний должен сопровождать французскую армию как папский легат. Александр VI оказал королю 6 января в Ватикане теплый прием, который характеризовал его выдающие качества не только как политика, но и как человека. Король рассыпался в комплиментах. В ответ он получает кардинальский сан для своего фаворита Брисонне. Затем Карл VIII был принят в новых апартаментах Борджиа, где на стенах еще не высохли краски на фресках Пинтуриккьо и его учеников.

Апартаменты Борджиа обращены на север. Сегодняшнему посетителю эти помещения кажутся чересчур мрачными за счет карнизов, расположенных над окнами, а еще более из-за того, что окна выходят во внутренний двор. Здесь даже в яркий июньский полдень всегда царит полумрак. Но в те времена над окнами не было никаких карнизов и вблизи не располагалось никаких высоких строений, а потому из окон апартаментов открывался вид на зеленые сады, тянущие до Монте-Марио, на благоухающие апельсиновые деревья и сосны, которые ни в коей мере не препятствовали проникновению полуденных солнечных лучей, добавлявших еще больше блеска росписям Пинтуриккьо. Огромные окна, заключенные в рамы сложного рисунка, разрезали ландшафт на четкие геометрические фигуры. В апартаменты вели маленькие, узкие двери, и, когда понтифик в просторной золотой мантии появлялся в помещении, заполняя своей фигурой, словно мраморная арабеска, весь дверной проем, всем каза-

лось, что с помощью сверхъестественной энергии со стен сошло изображение папы, способное двигаться среди простых смертных. Но приехавшие из-за Альп не показывали виду, что испуганы поразительным величием представившегося им зрелища. Они, конечно, выразили восхищение, смешанное с любопытством, столь свойственным французам, и, не соблюдая требований церемониала, хотели получить все, что только возможно. Бурхард был поражен, увидев, как они беспорядочно и «невероятно торопливо» приблизились к папе, чтобы поцеловать его туфлю, и, поскольку считал, что любое правило в первую очередь должно соблюдаться людьми знатного происхождения, в конце концов решился испросить совета у папы, на что тот пожал плечами.

В конце января французы покинули Рим. 26 января король был торжественно принят в Ватикане папой и кардиналами. Король выказал дружелюбие по отношению к официально переданному ему турецкому принцу Джему. Когда армия двинулась походным маршем на юг, легкомысленному, романтично настроенному королю казалось, что он будет наслаждаться, двигаясь во главе армии-победительницы по земле, на которой уже в феврале распускаются цветы; а мысль, что он победил государство и удерживает заложников, – восточного принца и кардинала, являвшегося сыном самого папы, – доставляла ему дополнительную радость. Впереди ждало еще одно радостное событие: в Марино стало известно, что король Неаполя Альфонсо II сбежал на Сицилию, оставив трон на сына Феррандино, принца Капуйского. «Храбрец никогда не бывает жестоким», – прокомментировали люди, памятуя о злодеяниях Альфонсо, и его бегство – публичное признание в трусости – явилось очевидным признаком неизбежного краха арагонской династии и еще более увеличило самонадеянность французов. Затем в Веллетри происходит событие, разом разрушившее радужные планы: Чезаре Борджиа тихо «делает королю ручкой».

Кардинал Валенсийский двигался в королевской свите, демонстрируя любезные манеры, которые никоим образом не давали оснований для каких-либо подозрений. Он, безусловно, давно замыслил хитрость и просто ждал благоприятной ситуации для побега. Такая возможность подвернулась в Веллетри, где с помощью нескольких аристократов Чезаре удалось ускользнуть от французского короля. Минуя Рим, он направился в Сполето, где и стал дожидаться дальнейших событий. Француз выразил гневный протест в адрес Ватикана. «Кардинал повел себя плохо, чрезвычайно плохо», – выслушав все, заявил, укоризненно покачивая головой, Александр VI. Когда же французы открыли сундуки, принадлежавшие Чезаре, то обнаружили в них камни. Оказавшись в глупом положении по вине двадцатилетнего кардинала, Карл VIII болезненно отреагировал на столь грубую шутку. Если бы не епископ Джулиано делла Ровере, которому удалось успокоить Карла, французская армия из одного только примитивного желания нанести ответный удар с огромной готовностью разграбила бы Веллетри. Французы, не встречая никакого сопротивления, двинулись дальше. Серьезное сопротивление оказала только крепость Монте-Сан-Джованни, обитатели которой предприняли неудачную попытку противостать французам и были безжалостно уничтожены. Объятая ужасом Капуя распахнула ворота, и трусливый король Феррандино, видя всю бессмысленность сопротивления, сбежал на Искью. С трудом веря в свалившуюся удачу, французские солдаты вступили в Неаполь.

А в то время как они, расположившись в тени Везувия, предавались сибаритству, папа энергично готовился нанести ответный удар. Он сформировал грандиозный альянс, в который вошли Людовико Моро, Венеция, которая предвидела угрозу французского господства в Италии, король Испании и император Максимилиан, предвидевшие одну и ту же опасность. О создании союза между этими силами было объявлено 12 апреля 1495 года, и ситуация сразу же стала стремительно меняться.

Карл VIII приказал немедленно отступить к Альпам и двинулся маршем на север, оставив в Неаполе французский гарнизон. Папа торжествовал. Однако, совершая обходной маневр, он

все-таки потерпел неудачу, и у реки Таро, вблизи Форново, произошло знаменитое сражение, относительно которого историки и по сей день расходятся во мнениях. Командующие противостоящих сторон, король Франции и маркиз Мантуанский Франческо Гонзага, проявили невероятную храбрость, но ни один не добился решающей победы. Карл ухитрился отступить, оставив большую часть пленников и трофеев, захваченных в Италии, в руках врага. Битва при Форново произошла 6 июля 1495 года. Карл VIII задержался в Асти, чтобы привести в порядок оставшуюся часть армии, и вскоре повторно пересек Альпы, возвращаясь во Францию. Его итальянская кампания заняла меньше года.

Александр VI решил не оставаться в Риме, дожидаясь возвращения отступающего короля. Он благоразумно покинул город и отправился в Перуджу, где был радостно встречен Лукрецией. После того как французы отступили за Альпы, папа вернулся в Ватикан, а Лукреция – в Санта-Мария-ин-Портико, где воссоединилась с Джованни Сфорца, который, похоже, организовал ей достойную встречу. Лукреция устроила несколько блестящих приемов. В числе гостей были четверо вновь избранных кардиналов, а также веселый и галантный ломбардец Франческо Гонзага, победитель битвы при Форново, которого чествовали всюду, где бы он ни появлялся. Лукреция наслаждалась, слушая остроумные рассказы маркиза, но ей даже не приходило в голову, что этому высокому, энергичному мужчине, рыжебородому, с характерными чертами лица, впоследствии предназначено сыграть важную роль в ее жизни.

В марте Джованни Сфорца на месяц уехал из Рима, и связанные с ним темные, таинственные слухи дошли до Ватикана. «Вероятно, тиран Пезаро находит что-то такое в своем доме, о чем остальные даже не подозревают», – написал 28 апреля 1496 года Дж. Карло Скалона, информатор из Мантуи, а в сообщении от 2 мая добавляет, что Сфорца уехал «в отчаянии, оставив жену под папской мантией», объявив, что никогда не вернется в Рим. Джованни Сфорца остался в Пезаро, несмотря на то что папа всячески пытался соблазнить его вернуться: обещал высокие посты, неумеренно льстил и выказывал дружеское расположение. Тем временем на смену лету пришла осень, а затем наступила зима.

Лукреция, вероятно, была опечалена этими событиями, но, судя по всему, не слишком долго предавалась унынию, особенно когда в Рим по приказу папы прибыли ее младший брат Джофре с женой Санчей. Лукреции было всего шестнадцать лет, и, как свойственно девушкам ее возраста, жизнерадостность вскоре взяла свое.

Поначалу Лукреции было не по себе в присутствии Санчи. У нее не хватало жизненного опыта, и прежде всего опыта придворной жизни; это отмечалась всеми. «Это [то есть приезд Санчи] положило начало ревности со стороны дочери [папы]», и «графиня де Пезаро весьма недовольна», сообщают нам информаторы, злобно добавляя, что, по всей видимости, Лукреция опасалась конкуренции. Нам несложно представить, с какой тщательностью Лукреция выбирала себе наряд утром 20 мая, в день встречи с невесткой. Столь же тщательно, до деталей, она выбрала свиту, которая состояла из двенадцати девушек в изумительной красоте нарядах, двух пажей в роскошных накидках и слуг в одеждах из золотой и красной парчи. Встреча кортежей в то майское утро представляла великолепное зрелище; к тому же впечатление усиливалось благодаря присутствию семьи кардинала, дворцовой стражи, итальянских и иностранных послов. Принцесса, в королевскую свиту которой входили шесть шутов, прибыла в десять часов утра. Одета в платье, обычное для жительниц городов юга Италии, – черное с широкими рукавами, она ехала на верховой лошади, покрытой черной попоной из чередующихся полос бархата и атласа. Попона, покрывавшая лошадь Лукреции, была из черного атласа. Сблизившись, молодые женщины торжественно обнялись, после чего кортеж перестроился. Впереди ехал Джофре с обычным для него выражением снисходительного высокомерия, которое тут же сменялось сладострастием, стоило ему остановить свой взгляд на жене. У него были длинные, тщательно расчесанные волосы светло-медного оттенка и бронзового цвета благодаря горячему южному солнцу кожа. Санча ехала между Лукрецией и испанским послом.

Она бросала вокруг любопытные взгляды, и ее лицо становилось все оживленнее. Те, кто с готовностью принял на веру легенду о «самом очаровательном создании», возможно, почувствовали разочарование. По словам летописца, «точно так может выглядеть и вести себя овца, готовая отдаться желаниям волка», а что касаясь фрейлин Санчи, Лоузеллы, Бернардины и Франчески, то, добавляет летописец, «они достойны своей госпожи, и люди открыто говорят, что они стоят друг друга».

Александр VI ожидал кортеж с нетерпением юноши, мечтающего о встрече с очаровательной женщиной. Стоя у открытого окна, он внимательно разглядывал площадь и, едва завидев появившейся кортеж, занял подобающее ему место среди кардиналов. Пролетело всего несколько минут, и в соседнем зале послышались звуки шагов, шелест шелка и женские голоса, а затем в зал смело вошла Санча – она была дочерью и сестрой короля и ничего не боялась. Они с мужем преклонили колени, и Санча склонила свою темную головку, чтобы поцеловать ступню папы. Затем каждый занял предназначенное ему место: Джофре рядом с братом Чезаре, а Лукреция и Санча – на красных бархатных подушечках на ступеньках у ног понтифика. Сидя на троне, папа видел по одну сторону от себя белокурую головку Лукреции, а по другую – темноволосую Санчу и испытывал невыразимое удовлетворение (красота молодых женщин еще больше усиливала это чувство) от того уважения и почтительности, которыми они его окружали. Кроме того, являясь их господином и повелителем, он чувствовал себя в своей стихии и, демонстрируя умение вести остроумную беседу, вызывал их смех.

При папском дворе Санче была предоставлена, но не столь очевидно, как Лукреции, неограниченная власть. Звание и происхождение делали ее положение выше, чем просто фаворитки, но все-таки ниже, чем невестки в обычном понимании этого слова. Тем не менее она использовала свое непростое положение лучше, чем кто-либо другой, и никогда не выказывала явной ненависти или недоброжелательности в отношении мужа, маленького принца; наоборот, она защищала его, баловала и даже излишне осыпала знаками внимания. Она его, конечно, не любила, поскольку относилась к тем женщинам, которые способны любить только тех, кто сильнее и могущественнее их. С течением времени она осознала, что единственным человеком, в избытке обладающим требующимися ей качествами, является ее деверь, кардинал Чезаре Борджиа. Санча целиком отдалась любовному роману, как если бы это была вендетта. С первого дня появления в Риме Санча внесла тревожную ноту, явно демонстрируя текущую в ней арагонскую кровь.

На Троицу, 22 мая, папа, кардиналы и все женщины семейства Борджиа во главе с Лукрецией и Санчей присутствовали на мессе в соборе Святого Петра. Испанский прелат, отправлявший службу, чувствовал, вероятно, огромную ответственность, произнося проповедь перед самыми знаменитыми прихожанами католического мира. В то время как он занимался медленным отрыванием лепестков от своей теологической розы, женщины почувствовали утомление, и вся паства, включая папу, ощутила такую скуку и раздражение, что, несмотря на уважение к святому месту, не могла более продолжать слушать ни секунды. Неожидаемое движение всколыхнуло атмосферу скуки: Санча и Лукреция в одеждах, которые не могли скрыть их проворные молодые тела, поднялись на клирос и расположились на сиденьях, предназначенных для каноников и певчих собора Святого Петра. За ними восхождение совершают придворные дамы, которые шумно усаживаются, оправляют платья, пересмеиваются между собой, преувеличенно демонстрируя внимание к читаемой проповеди, в то время как их глаза и лица озарены улыбками. Папу позабавил такой своеобразный мятеж; в конце концов, они всего лишь молодые девушки. Но в соответствии с косными правилами того времени Бурхард заявил, что произошел инцидент «*magno dedecore, ignominia et scandalo nostri et populi*»^[31].

Когда появилась Санча с безумным взором, чтобы еще больше взбудоражить и так уже беспокойные воды Ватикана, Бурхард растерялся. Было совершенно ясно, что именно Санче принадлежала идея занять священные места и что Лукреция просто подражала ей, словно ребен-

нок, приглашенный поучаствовать в игре и с готовностью принявший это приглашение, но который из-за природной робости и уважительного отношения к церковным правилам никогда сам не сделает первый шаг.

Итак, Лукреция и Санча стали подругами. К счастью, они сразу же поняли огромную разницу между отведенными им ролями, и их отношения строились самым естественным образом, исключавшим какие-либо недоразумения. Рассеялись опасения Лукреции относительно возможного соперничества, и ощущаемое ею удовольствие от устраиваемых в Ватикане празднеств еще более усиливалось благодаря властолюбию Санчи. Это было время бесконечных балов, концертов и разного рода увеселительных мероприятий. Со своей кафедры в Сан-Марко во Флоренции Савонарола тщетно предупреждал, используя пророчества Амоса, относительно папских женщин: «*Audite verbum hoc, vaccae pingues quae estis in monte Samariae*»^[4]; ни Александра VI, ни его семейство не затрагивали гневные речи. Знаменитый монах был не в состоянии противостоять крепости Борджиа и, пытаясь провести в жизнь невыполнимые реформы, был обречен погибнуть. Сравнивая пылкое красноречие Савонаролы с жизнью и характером понтифика, становится ясно, почему между этими двумя участниками спора никогда не могло возникнуть взаимопонимания. Папа обладал огромной властью, а Савонарола никогда бы не согласился на переговоры. Вот почему 25 мая 1498 года Савонарола был сожжен на костре.

Члены семейства Борджиа продолжали собираться вокруг своего главы, и, как говорилось в политических кругах, папа настолько окружил себя родственниками, что никакие силы не могли бы оторвать его от них, даже если бы Франция вновь напала на Италию; со стороны Франции и впрямь слышались подобные угрозы. Слухи подтвердились, когда папа летом 1496 года отозвал герцога Гандийского из Испании.

Непросто охарактеризовать Александра VI в качестве политика. Мало сказать, что, подобно всем мужчинам, он являлся разносторонней натурой. Папа был столь активной и решительной личностью, что современники считали, что «в папе заключено десять душ». Из вторжения французов Александр VI извлек урок: важно иметь преданных союзников. Следовательно, формирование мощной династии Борджиа соответствует созданию обороны на широком участке фронта. Отсюда можно сделать вывод, что причина nepotизма папы крылась не только в чрезмерной любви к родственникам. Памятуя о катастрофе, случившейся, когда династия Орсини перешла на сторону французов, папа решил преподать урок этому семейству, который должен был стать первым этапом в крупномасштабном проекте по окончательному уничтожению римских баронов, чьи выступления угрожали спокойствию государства. Для осуществления операции, направленной против Орсини, в Италию был вызван герцог Гандийский.

Как нам известно, Александр VI не питал никаких иллюзий относительно моральных качеств Хуана. Однако он считал, что высокомерие и грубость допустимы для молодого военного и являются гарантией соблюдения прав семьи. У папы был весьма оптимистический взгляд на способности Хуана к военному делу, его личную храбрость и отвагу, и фактически это послужило причиной вызвать Хуана в Италию во время французского вторжения в 1494 – м и 1495 годах. (Хуан не подчинился приказу.) Можно подумать, что простое присутствие в лагере герцога Гандийского являлось гарантией победы. После отступления французского короля папа категорически потребовал прибытия Хуана, которому ничего не оставалось, как сесть на корабль. В конце июля он оставляет свою беременную супругу, герцогиню Марию Энрикес, и маленького сына Хуана II в укрепленном замке Гандии, и плывет в Италию.

В праздник святого Лоренцо, 10 августа, Хуан Борджиа, проехав Чивитавеккью, въезжает в Рим. Согласно принятому протоколу его выходят встречать кардиналы. Чезаре встречает брата в Порта-Портезе и с почестями провожает в папский дворец. Борджиа были непревзойденными мастерами в организации торжественных выходов, и в данном случае великолепие папской свиты соперничало с роскошью, демонстрируемой герцогом. Хуан появился на гнедой лошади, «покрытой золотой попоной и украшенной маленькими серебряными колоколь-

чиками». Согласно дошедшему до нас сонету гуманиста Бернардино Корсо, «на нем [Хуане] был берет из красного бархата, украшенный жемчугом, бархатный коричневый камзол, рукава и грудь которого были расшиты жемчугом и драгоценными камнями, и даже привыкшая к роскоши римская публика была поражена».

В то время как папа занят формированием армии и артиллерии для Хуана, предполагаемый ликвидатор Орсини уже совершает триумфальное шествие. Герцог Гвидобальдо Урбинский получает жезл главнокомандующего как человек, сведущий в искусстве ведения войны и не имеющий амбиций, которые шли бы вразрез с целями Борджиа. Кроме того, его имя являлось гарантией серьезного отношения к делу. К октябрю 1496 года все было готово, и герцог Гандийский, теперь знаменосец церкви, получает украшенный драгоценными камнями меч, знамена с изображением знаков церкви и с быком Борджиа, белый жезл главного капитана папских войск и приступает к военным действиям.

С пренебрежением выдающегося командующего он отправляет первые депеши, и так уж произошло благодаря случайности или в силу продуманной тактики в отношении врага, что поначалу известия оказались хорошими. Десять замков, не оказав практически сопротивления, капитулировали перед папскими войсками. Настроение приподнятое. Но перед замком Браччано войска были остановлены.

Обороной мощной крепости руководил молодой кондотьер Бартоломео Алвяно, зять Орсини, невероятно уродливый, но зато самый храбрый человек в Италии. Вопреки папе после трудного боя на башнях крепости развевался французский флаг. Хуан издали изучает крепость с пятью башнями, являющимися памятником человеческой гордыни. Стоя лагерем у осажденной крепости, Хуан Гандийский, должно быть, размышляет над тем, насколько неудобно будет чувствовать себя под дождем без золотых украшений. Раздраженно вздыхая, он составляет нелепые, ребяческие планы кампании и издает указы, убеждающие врага дезертировать и предавать своих командиров. Осажденные в крепости бывалые воины только смеются над такими наивными действиями. Эхо этих насмешек раскатилось по всей Италии, что нимало не заботило Хуана. А вот папа пришел в ярость и замучил приказами свою ленивую армию. В конце концов папская армия переходит в наступление на крепость Тревиньяно, расположенную к северу от Браччано. После захвата крепости приходится применить силу, чтобы развести наемников герцога Урбинского и Хуана Борджиа, отчаянно сцепившихся из-за трофеев. А тем временем нанятая на французские деньги армия под командованием Джулио и Карло Орсини атакует папские войска. В этом бою герцог Урбинский вел себя с присущей ему храбростью, но в итоге был захвачен в плен. Герцог Гандийский слегка ранен и, используя это в качестве аргумента, почему не может продолжать боевые действия, самостоятельно удаляется в безопасное место. Лишенные командиров папские войска отступают, и враг тут же освобождает осажденную крепость.

Когда это известие достигает Рима, папа не в силах сдержать гнев: неистовствует, произносит обвинительные речи и объявляет, что лично примет участие в войне. Но по зрелом размышлении он понимает, что сейчас не тот момент, чтобы пытаться изменить ход событий, и будет гораздо лучше согласиться на мирные условия и принять предложение Орсини, согласно которому папа получает крепости Черветери и Ангвиллара и 50 тысяч золотых дукатов. Папа делает вид, что забыл о герцоге Урбинском, и оставляет его в качестве пленника в замке Сорiano, где герцог терпеливо ждет, пока семья внесет за него выкуп.

Хотя в Риме появились иронические объявления с просьбой ко всем, кто имеет хоть какую-нибудь информацию о некоей армии церкви, сообщить ее герцогу Гандийскому, сам герцог, ни о чем не тревожась, возвращается к привычному времяпрепровождению, связанному с любовными приключениями и всякого рода празднествами. По счастливой случайности окончание войны совпало с началом Масленицы, так стоило ли отказывать себе в удовольствии? К тому же было бы обидно не привлечь к себе внимания больших, смеющихся глаз

Санчи Арагонской, единственной женщины, которая могла оказать поддержку и подбодрить недобросовестного завоевателя. Неясно, что на самом деле произошло между родственниками. Возможно, Санче надоел кардинал Валенсийский в качестве повелителя и господина или ее побудила любовь играть с огнем, а может, она посчитала это хорошей мстью своему свекру. Какими бы ни были ее мотивы, она, похоже, откликнулась на заигрывания Хуана. Между тем папа был настолько ослеплен любовью к сыну, что даже не сделал попытки обвинить его в недавнем поражении; сына, безусловно, постигла неудача, но он вскоре исправит положение.

Чезаре, надеявшийся, что после позорной кампании отец несколько охладет к Хуану, вскоре понял, что сильно заблуждался. По правде говоря, Чезаре стал чувствовать больше, чем прежде, любви и благодарности со стороны отца, но Хуан остался «любимым», тем, кто, предположительно, в будущем покроет военной славой имя Борджиа. Итак, в 1497 году в папском окружении назревали трагические события.

С мая по декабрь 1496 года папа предпринимал неоднократные попытки вернуть Джованни Сфорца в Санта-Мария-ин-Портико. Несмотря на неудачу, он по-прежнему считал, поскольку оплачивал его содержание, что Сфорца работает на него. В ноябре 1496 года папа приказывает Сфорца объединить его войска с армией герцога Гандийского, чтобы выступить против Орсини. Джованни Сфорца прибег к испытанному способу: собрал несколько солдат, но, вместо того чтобы отправить их из Пезаро, направил к папе канцлера Джеромино с объяснением причины своего бездействия. Александр VI подыграл зятю и в письме от 30 декабря 1496 года признал его объяснения, оправдания и выказал свое полное доверие. Это письмо служит явным свидетельством того, что папа был сильно озабочен тем, чтобы вернуть зятя в Рим, и, очевидно, надеялся обезоружить его доброжелательным отношением. Когда выдался подходящий момент, а именно 5 января 1497 года, папа отправил Джованни Сфорца короткое письмо с требованием прибыть в Рим в течение пяти дней. Джованни, как он написал герцогу Урбинскому 15 января, оказался в трудном положении и опасался, что «вызовет сильное негодование Его Блаженства». В конце концов он все-таки отправился в Рим.

Папа и братья Борджиа превзошли себя «в демонстрации нежных чувств и сердечности», чтобы добиться возвращения Джованни Сфорца в Рим. По словам одного из очевидцев, теперь Лукреция была «очень счастлива и сходила по нему с ума». Я уверена, что выражение «сходила с ума» несколько преувеличено, но она, должно быть, вела себя как «в высшей степени достойная дама»; во всяком случае, так описывали ее относящиеся наиболее предвзято к семейству Борджиа современники. Вероятно, ее обрадовало возвращение мужа, благодаря которому восстанавливалось положение, принадлежащее ей по праву; на приемах и во время различных церемоний ее муж занимал почти такое же высокое положение, как Хуан и Чезаре. Присутствие Джованни Сфорца было отмечено на папских церемониях, как, например, обряд очищения (2 февраля). Он также участвовал в церемониальном кортеже, организованном в связи с официальным приемом Гонзалве де Кордова. Джованни был среди тех, кто 22 марта следом за герцогом Гандийским принимал благословенную пальмовую ветвь на ступенях папского престола. Мирная обстановка, если Джованни не зевал и смотрел в оба, должна была дать ему пищу для размышлений; а он имел причины для того, чтобы внимательно присматриваться ко всем изменениям в политической ситуации. Папа не мог простить Сфорца союза с французами, и они определенно теряли влияние в Риме. Хотя кардинал Асканио вел открытую борьбу, лично пытался умиротворить папу и даже временами, занимаясь самообманом, полагал, что вернул свое прежнее положение вице-папы, становилось все более очевидно, что интересы Борджиа и Сфорца лежат в диаметрально противоположных плоскостях.

Утром в Страстную пятницу граф де Пезаро, поднявшись на рассвете, пришел к жене. Он коротко объяснил Лукреции, что собирается отправиться на исповедь в церковь Святого Крисостомо в Трастевере или в Святого Онуфрия, а затем в честь праздничного дня совершит паломничество в семь церквей в округе. Однако вместо этого он в сопровождении небольшого

эскорта покидает Рим. Перевалив Апеннины, он мчится домой, в Пезаро. Джованни пребывает в состоянии ужаса и, по его собственным словам, «измучен быстрой ездой». Короче, он сбежал. Моментально распространились слухи об отравлении; якобы яд был в некоторых подарках, полученных Джованни. Подтверждения этим слухам мы находим в летописях Пезаро, в которых и Бернардо Мональди, и Пьетро Марцетта намекают на то, что Борджиа планировал избавиться от Джованни Сфорца. Мональди, цитируемый всеми биографами Лукреции, рассказывает историю о том, как некий Джикомо, слуга Джованни Сфорца, по приказу Лукреции спрятался за креслом в ее комнате и слышал разговор между Лукрецией и Чезаре, который не оставлял сомнения в том, что Борджиа намеревались убить Джованни Сфорца. После ухода Чезаре Лукреция наказала слуге доложить об услышанном разговоре своему господину. Безусловно, рассказ кажется излишне показным, неестественным, но это не повод, чтобы списывать его со счетов: чего только не происходило в истории человечества. Однако есть одна странность. Лукреция видела мужа в течение всего дня, а он зашел к ней только перед самым отъездом; так по какой же причине она воспользовалась столь сложным способом, чтобы предупредить его о грозящей опасности? Храбрость не входила в число достоинств графа де Пезаро, и на него следовало надавить, чтобы он сбежал из Рима. Рассказ другого летописца не столь драматичен. По его словам, папа обдумывал два варианта: или разлучить Джованни с женой, или убить его, но, «предупрежденный женой, граф ускакал в Пезаро». Важно отметить совпадения свидетельств этих летописцев в том, что Джованни узнал о заговоре Борджиа от Лукреции, а это показывает, что оба летописца, изучившие доказательства и сделавшие записи через несколько лет после описываемых событий, пришли к убеждению, что Лукреция была невиновна и даже приняла сторону мужа. «Что касается подозрений в отравлении, то я не вижу никаких оснований считать их правдивыми», – спустя несколько дней после бегства графа писал один из заслуживающих доверия информаторов, архидьякон Дж. Лусидо Катанеи. Это событие всколыхнуло весь римский двор; создавалось впечатление, что теперь последует ряд непредвиденных событий. Наблюдатели следили за атакующими маневрами папы и оборонительными – графа, и самые компетентные из них были убеждены, что Джованни Сфорца никогда не вернется в Рим. Но если мы оставим в стороне вопрос с отравлением, то, спрашивается, с чем тогда связан внезапный отъезд графа?

В Великую субботу секретари Сфорца, оставшиеся в Риме, нанесли официальный визит миланскому послу Стефано Таверно и сообщили ему об отъезде своего господина, который они объяснили его «недовольством» в отношении тестя. В тот же день, делая отчет о состоявшемся разговоре для графа Миланского, Таверно пишет, что у него создалось впечатление, что нечто более серьезное лежит в основе этих объяснений, что-то связанное «с отсутствием скромности у его жены», которое привело графа де Пезаро в «состояние серьезного недовольства...». На этом сообщение заканчивается. Уже после отъезда графа Лукреция получила его письмо, в котором он решительно настаивал на том, чтобы жена воссоединилась с ним в Пезаро во время Пасхальной недели.

В Пезаро Джованни Сфорца почувствовал тоску и одиночество в собственном дворце, который маленькая графиня оживляла своим присутствием всего лишь в течение двух лет. Он ждал ее, поскольку ему хотелось верить, что она приедет в Пезаро. Когда Людовико Моро обратился к нему с просьбой дать объяснения своему бегству из Рима, Джованни ответил, что отправит послание с секретным курьером, но не раньше, чем получит ответ из Рима, – подразумевался ответ от Лукреции. Он на самом деле был выведен из равновесия, если мог поверить в такое неправдоподобное событие, как приезд Лукреции, поскольку папа ни за что не позволил бы дочери последовать за мужем, оставив его, оскорбленного в лучших чувствах, в одиночестве в Ватикане. Вместо Лукреции в Пезаро 1 апреля прибыл мессир Лелио Каподиферро, доставивший четкий и обдуманный папский приказ, датированный 30 марта: «Ваша мудрость может подсказать Вам, как глубоко ранил нас Ваш неожиданный отъезд из города... По нашему

мнению, такой поступок ничем не загладить. Мы взываем к Вашим лучшим чувствам, и если Вы хотите сохранить свою честь, то должны быть готовы немедленно вернуться». Сфорца, находясь на расстоянии, ощущал себя в безопасности и резко ответил, что жена должна быть отправлена к нему. Папа объяснил, что Джованни никогда не увидит жену, если откажется вернуться в Рим, и предупредил, чтобы зять даже не пытался сопротивляться приказу.

В полной уверенности, что герцог Миланский и кардинал Сфорца окажут ему поддержку, граф де Пезаро, отправив им письма, написал ответ Александру VI. Джованни Сфорца не осознавал того факта, что политические интриги вынудят его родственников действовать несправедливо по отношению к нему. Сложившаяся ситуация ставит Сфорца в трудное положение, и он отделяется устными заверениями, дабы сохранить, насколько возможно, нейтралитет и выиграть время. Оба, герцог и кардинал, требуют дальнейших объяснений таинственного бегства своего кузена; этот вопрос граф де Пезаро упорно обходил стороной. Но вот 12 мая он сообщает герцогу Миланскому, что, когда Асканио совершит паломничество в Лорето, как он это обещал, то он, Джованни, сообщит все, что с ним произошло, «и я сделаю это вопреки моему нежеланию выносить это дело на всеобщее обозрение». Что же это за такое личное «дело»? Скрытность графа де Пезаро и его упорное молчание наводят на мысль, что он уже пришел к определенному заключению и опасается последствий, если вымолвит хоть слово. Возможно, это связано с тем, что Таверно сообщил о его жене – «отсутствие скромности», и, кроме того, нам следует вспомнить намеки, сделанные Скалона в мае 1496 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.